

18+

Мария
Фомальгаут

Ключи от
ландышей

Мария Фомальгаут

Ключи от ландышей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51326663

ISBN 9785449828217

Аннотация

Хотите ненадолго стать городом? Или чьим-то воспоминанием? Или половинкой сна? Или улицей? Или фонарем? Или аптекой? Добро пожаловать! Мы только убедимся, что это не вы убили автора. У вас есть алиби?

Содержание

Советворчество	5
Из рода челоптиц	7
Ломающий книги	12
Пустота от Ханны	22
Праздник, которого больше нет	26
Скрипич	30
Аннахилт, Баллох, Висбеч	48
Воспоминание о Цитадели	57
Где-то на западостоке	70
Пять граней	75
Вырытое небо	102
Снять задачу	105
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Ключи от ландышей

Мария Фомальгаут

Мария Владимировна Фомальгаут *Иллюстратор*

© Мария Фомальгаут, 2020

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-2821-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Советворчество

Еще вчера задумав что-то,
Поверив фразам и совам,
Садятся совы в соволеты
И топят утром сововар.
Блуждая по лесам когда-то,
И пропадая там и тут,
Катаются на совокатах
И совопрения ведут.
Внимая совестно заветам,
Желают здравия скворцам
И добывают совоцветы
Для соводержца и дворца.
В себе пытаюсь разобраться,
Решил какой-то соводур
Совоанализом заняться,
Как под гипнозом, как в бреду.
Без совоблудия, сурово
Совками грузы насовав,
Так совозанятые совы
По трассе водят совосвал.
За соверены взяв товары,
Ложатся в сов, ложатся в сон,
И осуждают тех, кто варит

На темной кухне совогон.
И всяческие совозванцы
И совоучки всех мастей
В домах устраивают танцы
В хитросплетении страстей,
Накрыли скатерть-совобранку —
Сидеть в гостиной до утра,
Достали плюшки и баранки,
Для совотворчества тетрадь:
Стихи нетленные готовы
Творить – по самую зарю,
И бережно сверяют совы
Неясные – по соварю,
В потоке совосочетаний
Вовсю – без отдыха и сна
Сонеты сонные читают
Советы совные познав.

Из рода челоптиц

– Понимаете, сюда так просто не проходят... – начинает он.

Делаю вид, что ничего не понимаю, сбивчиво объясняю что-то, что у меня пропусков нет, ничего нет, а что надо...

– Вы понимаете, чтобы попасть в книгу... нужна история...

Снова делаю вид, что ничего не понимаю.

– А-а-а... а за какой класс?

Тихий смешок где-то там, там.

– Э, нет... ваша история.

– Но у меня...

– ...знаю, нет... еще нет... но у вас должна быть хотя бы какая-то тайна...

– Тайна? – делаю вид, что задумываюсь, – ну да, есть тайна... Я убил свою жену.

Кажется, он вздрагивает.

– Интересно, интересно...

– Вот она... Элизабет, к вашим услугам, – осторожно подталкиваю женщину под локоть.

– Но... если она здесь, значит, вы её ещё не убили... а только убьёте?

– Нет-нет, уже убил. Два года назад.

– Значит, она...

Вместо ответа моя благоверная проходит сквозь колонну, кажется, не замечает этого.

Киваю:

– ...мертва. Но не знает этого.

– Так вы её... – он спохватывается, – стойте, стойте, почему вы это сделали? Должен быть какой-то мотив...

– Разумеется, – отрывисто киваю, – вот, познакомьтесь, мой сын... вернее, не мой.

Он там, на воротах, хочет что-то спросить, тут же спохватывается, не спрашивает.

– Понимаю... в порыве ревности... Ну хорошо, проходите...

– ...постойте-постойте, а как же настоящий отец мальчика?

– А, ну да, разумеется... и...

– ...вы посмотрите на него повнимательнее... на спину...

– А что... а-а-а, похоже на зачатки крыльев...

– Совершенно верно. Крылья. А вот и его отец, последний из рода челоптиц... вернее, предпоследний...

– Вот оно что... ну хорошо, прохо...

– ...нет-нет, вам, наверное, важно, как именно они познакомились...

– Ну, это и не особо...

– Ну как это не особо! Согласитесь, просто так встретиться на улице, или в общих гостях, это слишком просто... Последний из рода челоптиц живет в огромном замке, который

достался ему одному... Чтобы не оказаться совсем на мели, он сдает комнаты замка нашей семье, молодым супругам, мне и моей жене. Так что появляется еще один полноправный герой этой истории, старинный замок на вершине скалы...

– Ну, хорошо, пусть замок...

– Но подождите, замку нужны еще и слуги!

– Ну уж нет, – фыркает он, – хватит уже... и так много народу... Да и вообще вы сказали, что он нищета-нищетою, откуда у него на прислугу деньги?

– Гхм... нет, стоп-стоп, а предки?

– В смысле... его родители?

– В смысле, души его предков за мириады поколений, которые не дают покоя последнему хозяину с тех пор, как он пустил в дом чужой народ, чья нога не должна была касаться этих чертогов...

– Ну, хватит, хватит... итак, вы, ваша покойная жена, ваш не ваш сын, ваш не ваш замок, хозяин замка, его предки...

– ...и рассказчик.

– Рассказчик?

– Да. Все это было когда-то бесконечно давно, прошло много веков, рассказчик ходит по руинам замка, повествует о древних тайнах, о древней драме...

– Ну, хорошо... – выдыхает он, – проходите... все...

Выискиваю в толпе у врат еще одного человека, хватаю за рукав, сюда, сюда скорее, ставлю его подле покойной су-

пруги, вот, вы будете её мужем, это сын ваш, это соперник ваш, вы ведь все слышали, да? А теперь скорей, скорей, за ворота...

Они уходят туда, где за воротами пробивается свет.

Меняю маску.

Снова подхожу к воротам.

– Разрешите... войти.

Он снова откашливается:

– Понимаете, сюда просто так не входят...

– А разрешение нужно?

– Да нет, какая-то история нужна...

– Ну, давайте историю, как я по городам езжу...

– Просто ездите?

– Ну, не просто... я ищу себя.

– Ну, поиски себя, это банально как-то...

– Да нет, буквально... Я потерял самого себя, и теперь езжу по городам, самого себя догоняю. Вот так приеду в какой-нибудь город, спрашиваю – а вы меня видели? А мне говорят, а был такой неделю назад, в Париж уехал, или там в Венецию... И я бросаюсь туда...

– Интересно, интересно...

Высматриваю лица в толпе, так, двух человек проведу, героя и второго героя, и еще штук десять прохожих, и еще штук пять городов... Надо бы еще кого-нибудь сюда...

Ломающий книги

Хозяин смотрит на меня недоверчиво, думает, пристрелить меня сразу же, или еще подождать. Наконец, долго и тщательно закрывает двери, ставни на окнах, чиркает спичкой, долго не может разжечь свет, пока я осторожно не намекаю, что так он сожжет электрический провод и лампу. Хозяин хлопает себя по лбу, щелкает выключателем, при этом все еще держит двумя пальцами спичку, языки пламени лижут его руку, он завывает, протяжно, жалобно...

...все еще думает, убить меня на всякий случай, или как...

Наконец, выдыхает:

– Вы... принесли?

– Принес.

– Показывайте.

Хочу сказать – э нет, сначала вы, – не говорю, понимаю, что права качать не получится.

Вытаскиваю из-за пазухи драгоценный сверток, бережно разворачиваю, смотрю на хозяина, думаю, а ведь еще можно перекусить ему горло...

– Вот...

Он смотрит, он придирчиво сравнивает, он нехотя кивает.

– Гхм... да... такой у меня еще нет...

Я жду. Я знаю, тут, главное, не торопить события, не подгонять, пусть он сам...

Томительная пауза.

И вот, наконец...

Он выкладывает на стол дубликаты. Перебираю, выискиваю то, чего у меня еще нет, нахожу три, целых три, вот черт, а у меня только одна, значит, и взять могу только одну...

Одну...

...нехотя выбираю.

Говорю, как можно спокойнее, стараюсь унять дрожь в голосе:

– Пожалуй... возьму у вас эту...

Он смеется:

– Э, даже не пытайтесь скрыть волнение... знаю, вы сейчас как на иголках, знаю это состояние... когда видишь новый экземпляр...

Киваю.

Чувствую, что краснею.

Мне все равно, мне уже нечего скрывать.

– Вы позволите? – хочу бережно завернуть невиданное сокровище.

– Да, конечно... А я вижу, вы знаете в них толк...

– Еще бы... – смотрю на книгу, еще не верю, что она моя.

– А то видите ли... бывают такие, которые книги без счету хватают, хвастаются... а толку-то в книжках и не знают, у них там сплошь книжки одинаковые стоят, они и не задумываются... А вы-то, я вижу, знаете толк...

Киваю:

– Ну, как-никак двести лет стажа.

– О-о, уважаю, уважаю... у меня, правда, пятьсот, но вы тоже ничего... – вздрагивает, уши торчком, шерсть дыбом, – слушайте... а вы не Симплекс случайно?

– Сим... не имею чести быть знакомым с этим...

– ...вот и прекрасно. Но вы точно не от него, нет?

– Да нет, что вы...

– Вот это главное... А то знаете, я побоялся, вдруг от Симплекса...

– Нет-нет, я... я сам... я...

– Вот это хорошо, главное, чтобы не Симплекс...

Вежливо киваю:

– ...да, конкуренция среди коллекционеров...

– Что вы, что вы, никакой он не коллекционер! Это же...

Это же чистой воды шарлатан!

– А что он...

– Да вы даже представить не можете, что он вытворяет с книгами!

– Ч-что... он...

– ...он их ломает! Ломает!

– Да вы что... немыслимо!

– Не то слово – немыслимо! Я сам видел, он на моих глазах взял книгу и... и отломал верхний слой, так, что он держался на одной тонкой грани! А потом второй слой! И третий!

– К стыду своему признаюсь... однажды книга выскользнула у меня из рук, и...

– ...распалась на две половинки, соединенные тончайшей гранью?

– Да.

– Понимаю, понимаю, друг мой, со мной тоже такое бывало, я чуть не умер от страха... к счастью, это не смертельно, книгу после этого легко починить...

– ...но до чего же я был напуган...

– О, понимаю, понимаю, в такие минуты сердце останавливается... А он... а он, вы представляете, он ломает книгу слой за слоем, он подолгу смотрит в эти слои...

– ...безумец.

– Что безумец – маньяк, ему нравится смотреть на растерзанные книги! Нравится!

– Да это чудовище надо казнить...

– Надо, несомненно, надо! – хозяин окончательно срывается на крик, – но закон здесь бессилён... суд бессилён...

Делаю вид, что не знаю, что мне ответить.

– ...самое страшное... ему не нужны книги, не нужны... он ломает их... потом вправляет кое-как и отдает, меняет... есть немало коллекционеров, у которых он менял книгу за книгой, пока не перебирал всю коллекцию!

– А может он... может... он меняет их на фальшивые?

Хозяин подсказывает на месте, как ошпаренный.

– Ч-что вы сказали?

– Он берет книгу... уносит... возвращает... но где гарантия, что он приносит ТУ САМУЮ КНИГУ, а не подделку?

– Под... но... как можно подделать книгу?

– Ну, если он ломает книгу, то без труда сможет её подделать, я так себе думаю.

– А ведь серьезно... слушайте, друг мой, вы должны мне помочь...

– К вашим услугам.

– Сейчас мы пойдем к Симплексу...

– ...даже не просите, я ни за что не дам ему ни одной книги!

– Об этом и речи быть не может, не сомневайтесь, он больше не получит эти сокровища никогда в жизни!

– Но тогда зачем...

– Не догадываетесь, друг мой?

– У него нет своих книг, там нечего спасать... разве что ту книгу, которую он ломает сейчас...

– Не только это, друг мой... этому пора положить конец, раз и навсегда...

– Сомневаюсь, что мы сможем переубедить...

– ...я и не собираюсь это делать.

– Тогда...

– ...остается только одно, мой дорогой гость...

– Но... я не понима...

– ...все-то вы понимаете. Остается только одно...

Страшная догадка сжимает сердце.

– И... что мы скажем полиции?

– Полиция ничего не спросит.

– Но...

Хозяин дома вытаскивает из кармана крохотную шкатулочку, под прозрачной крышкой которой лежит тончайшая игла.

– Один укол – и все.

– Вы уве...

– ...можете даже не сомневаться.

Протягивает мне. Холодеют руки.

– Но...

–вы это сделаете.

– Но...

– ...сделаете.

– А вы сами....

– ...вы это сделаете! Сделаете!

Понимаю, что ему не меньше меня не хочется делать это, он боится – опять же не меньше меня, надеется, что у меня получится лучше...

Идем.

Прячу за пазухой драгоценную книгу, выходим в снеговорот метели, – мне кажется, все прохожие смотрят на нас, все догадываются, что мы собираемся делать...

– Здесь, – мой спутник показывает на неприметное окно в башне, которая притаилась над хитросплетением крыш. Я вижу огонек в окне, мне страшно – он дома, черт его возьми, он дома, и уже не отвертись...

– Не сюда, – я тащу своего спутника за рукав, – у него

отдельный вход, боковая лестница...

– Отлич... стоп-стоп, а вы откуда знаете?

– Ну...

– Вы с ним знакомы?

Бормочу что-то про типовые проекты, похожие дома, вот в таком моя невеста живет, бедная белошвейка, ютится в крохотной комнатушке, я заберу её оттуда, обязательно...

– Если вы продадите пару книг...

– ...скорее я сам буду ютиться в комнатушке, а то и без комнатушки, чем продам книги!

– Bravo, bravo, ответ истинного коллекционера! Ну, пойдете же...

Поднимаемся по лестнице, которая закручивается бешеной спиралью, я толкаю неприметную дверь в стене, – дверь оказывается открытой, мы просачиваемся в малюсенькую комнатенку, оглядываемся, ищем хозяина, не находим...

– Он...

Я не даю своему спутнику договорить, я пронзаю иглой его мясистое горло – с одного удара.

Захлопываю дверь.

Снимаю маску – на секунду в зеркале мелькает мое лицо, тут же меняю его на маску своего спутника. Наклоняюсь к убитому, скорее, скорее, пока его лицо еще мягкое, еще податливое, меняю черты, – на свои собственные. Завтра все газеты будут шептаться у ворот, вы слышали, этот-то, который книжки ломал, умер от сердечного приступа, или от че-

го там, да и хорошо, некому больше книжки ломать...

Спускаюсь по лестнице, которая услужливо поворачивается во двор, чтобы никто не видел, как я выхожу, метель так же услужливо замечает мои следы, – никто не найдет...

Все еще прячу за пазухой драгоценную книгу.

Направляюсь к особняку убитого, слуга почтительно склоняется передо мной. Ухожу в залы с книжной коллекцией, чувствую, как пылают щеки. Слуги отступают, слуги понимают, я не хочу никого посвящать в таинства моей коллекции...

Ставни все еще закрыты – это хорошо, и свет тоже все еще горит, это тоже хорошо.

И хорошо, что никто не видит, что я делаю.

Ломаю книгу.

Сначала твердый слой. Потом первый тонкий слой. Второй. На третьем слое уже вижу это... это...

Р – редиска.

О – ослик.

З – заяц.

А – арбуз.

Потом пустота.

Потом —

И – иголка.

Снова пустота.

Потом —

К – капуста.

Р – редиска.

Е – ежевика.

С – слон.

Т – таракан.

Роза, – беззвучно говорю я, – роза. И крест.

Разбираю дальше.

Д – дом.

Е – ежевика.

Й – йод.

С – слон.

Т – таракан.

В – ворона.

У – улитка.

Ю – юла.

Щ – щегол.

И – иголка...

Раньше еще потихоньку держал перед собой листок с пояснениями, теперь уже не надо, теперь по памяти, знак за знаком. Почему-то боюсь таскать этот листок с собой, даром, что они висят в каждой лавочке, лежат на лотках уличных торговцев, купите картинки, детям будет радость...

И все-таки я боюсь, что если эти картинки найдут у меня, – что-то заподозрят...

Что-то...

...чего я жду, на что я до сих пор надеюсь, что кто-то посмотрит на картинки, кто-то догадается сказать, как я, не ар-

буз, а – А...

Пустота от Ханны

Ханна всегда украшает свой собственный труп цветами.
Откуда она их только берет.

Здесь.

Где не только цветов, травинки дохленькой не сыщешь.
Но то мы не сыщем.

А то Ханна.

Всегда, когда проходим мимо собственных останков, там уже толком и понять нельзя, чьи это останки были, я свой труп только по самодельному браслету узнал, хотя не оставляет мыслишка, что мог я этот браслет кому-то передать, подарить, а может, и украл его кто. А вот Ханна себя узнала по крестикку на груди, и я её даже не переубеждал, что крестик такой может быть на ком угодно, пусть думает, что это она.

Ханна украшает свой труп цветами.

Еще додумалась принести запыленное одеяло, укрыть наши тела – мое, свое, и еще двух парней, я так и не понял, то ли они были с нами, то ли случайно оказались рядом.

Ходим по разрушенному городу, сами не знаем, зачем.

Каждый раз возвращаемся, каждый раз пытаемся что-то изменить, исправить, уже с нашей подачи сколько мирных договоров подписано – все без толку, каждый раз снова приходим в мертвый город.

Ханна украшает свой труп цветами.

Ищем – сами не знаем, что.

Находим календари, смотрим на дату – двадцать восьмое августа, видимо, тогда все и случилось, я еще неумело шучу, что школьникам повезло, учебный год не начался – шутка получается какая-то вялая, беспомощно повисает в воздухе.

Замеряем уровень радиации, сами не знаем, зачем.

Ищем хоть одно разрушенное здание, хоть какую-то поломку в городе – нет, ничего, только обветшавшие от времени здания и истлевшие скелеты на улицах.

Возвращаемся.

Нас спрашивают – что.

Мы разводим руками.

Астрономы ищут что-то в ночном небе, ничего не находят, ничего не приближается, да и не может ничего приближаться, говорим мы, город-то целехонький. Ищем чуму, или что там еще может быть – не находим, ничего нет.

Ханна украшает себя цветами.

Стараюсь вспомнить, что случилось раньше, или мы с Ханной начали ходить по мертвому городу, или увидели её и меня, лежащих на перекрестке у набережной, или мы и до этого были вместе – я не помню.

Думаю про себя, что все-таки благодарен этому мертвому городу, – кажется, если бы мы не увидели самих себя, лежащих рядом, то не сблизились бы, хотя как знать.

– А... где Ханна?

Шеф смотрит на меня.

Отстраненно.

– А её не будет.

– А...

– ...не будет.

Хочу спросить – сейчас или вообще.

Не спрашиваю.

Иду в город, которого больше нет.

Беру с собой цветы.

Сегодня моя очередь брать цветы.

Прохожу мимо останков на перекрестке возле набережной.

Ищу то, что осталось от Ханны.

Не нахожу.

Кладу цветы на пустой тротуар, там, где была Ханна.

Укрываю пустоту одеялом.

Праздник, которого больше нет

– Что вы там делали?

Он смотрит на меня – в упор, расстреливает взглядом:

– Праздновал Новый Год.

– И что, обязательно нужно было перебираться туда, чтобы там отметить Новый Год? Оригинально...

– А что странного в том, что я хотел посмотреть, как местное население встречает Новый Год?

– И с каких это пор местное население стало встречать Новый Год?

– Ну как с каких... с древних времен.

– Да неужели?

– Ну... они мне сами показали... по архивным записям, по наскальным рисункам...

– Да, это все прекрасно... только вот зачем вы врете, хотел бы я знать...

– А с чего вы взяли, что я...

– ...с того. У них не бывает Нового Года.

– Вы были там?

– Не был.

– Читали...

– ...не читал.

– Но тогда...

– ...у них не бывает Нового Года.

– Ну что вы мне мозги пудрите, как не бывает? Вы сами подумайте, планета вокруг солнца вертится? Вертится! Ну вот, значит, и Новый Год...

– А с чего вы взяли, что Новый Год?

– Ну как же, планета сделала оборот...

– И что?

– Ну как...

– Вы хоть понимаете, что именно отмечают в новый год?

– А... – первый раз вижу страх в его глазах, – а что...

– ...а то. Про зимнее солнцестояние слышали?

– Хотите сказать...

– ...люди отмечают не новый виток вокруг солнца... люди отмечают дату, с которой ночи будут становиться все короче, а дни длиннее, возвращается тепло... вот оттуда и пошел праздник, который мы знаем, как Новый Год...

– А у них что... планета не вращается?

–вращается.

– И орбита вытянута довольно сильно...

Смеюсь, вот ты и попался...

– А при чем тут орбита, при чем тут вращение, когда смена времен года зависит от наклона оси? А ось-то не наклоняется... значит, и нового года...

– ...а если ось была наклонена когда-то давным-давно?

Постепенно выровнялась...

Падает сердце.

Понимаю, что проиграл.

– Вы думаете?

– Уверен.

– А я нет.

– А давайте проверять.

Настораживаюсь, еще не понимаю, к чему он клонит.

– Вы что... хотите отправиться туда?

– Да... только не сегодня...

– Ну, разумеется... не сегодня, а в то время, когда ось еще была под наклоном... вот и проверим...

Отчаянно соображаю, что он собирается делать, незаметно прихлопнуть меня в пути, или так же незаметно сбежать, или... Я знаю одно наверняка – я не верю в его алиби, что он праздновал Новый Год где-то там, там, а не в доме почтенного господина Дрима, которому кто-то свернул шею в новогоднюю ночь, и мы никак не можем вывернуть её обратно из новогодней ночи...

Скрипич

– Вы найдете мне ключ.

Он смотрит как всегда не на меня, мимо меня, чеканит слова:

– Вы найдете мне ключ.

Киваю. Сейчас готов хоть черта найти, лишь бы спасти свою шкуру.

– Ключ, – повторяет он, наклоняет клюв. От волнения даже не сразу понимаю, что мне искать, ключ или клюв, нет, все-таки клюв... Или нет. Ключ.

– Ключ.

Наконец, выдавливаю из себя:

– К-какой ключ?

Вместо ответа он поворачивается к шкафу, наклоняется над ящиками, выискивает что-то, – снова смотрю на кочергу, потом на его затылок, вот здесь, вот сейчас...

...нет.

Не успел.

– И не вздумайте даже, живым отсюда не выйдете... – бормочет он. Понимаю, что за нами следят, что на лестнице кто-то есть, и в холле внизу тоже.

– Вот, – он кладет передо мной на стол причудливую шкатул... нет, не шкатулку, другое что-то, зачем на ней натянуты тончайшие проводки, зачем палка с причудливой спира-

лю, зачем...

– Скрип, – говорит он.

Не понимаю, какой скрип, тут же хлопаю себя по лбу, ну, конечно же, только не скрип никакой, а скрипич, так называли эти шкатулку в нашем городке на краю земли...

– Скрипич...

– Вы знаете, как это открывается? – спрашивает он.

– Э-э-э... – снова смотрю на кочергу, но уже с другой целью, – это только сломать можно...

– Сломать я и сам могу, вы мне скажите, как открыть!

– Не... не...

– ...вы найдете мне ключ.

– А что... к скрипичу есть ключ?

– Скри... – он бормочет что-то вроде, ох, уж мне эти провинциалы, скрип и то не знают, снова наклоняется над ящиками шкафа, я снова смотрю на кочергу, ну уж посмотреть-то я могу, и на его затылок тоже...

– Вот... взгляните...

Взглядываю. Вздрагиваю. Отчаянно вытаскиваю из памяти то, чего там нет.

– Я... я не зна...

– ...не знаете этот знак? Ну, еще бы...

Я понимаю, что он думает – где вам, живущим на краю земли, понимаю, что не позволю ему так думать, понимаю, что я должен, просто обязан узнать знак, которого никогда не видел...

– Так это и есть ключ от скрипича? – последнее слово говорю с нажимом.

Короткий смешок.

– Э-э-э, нет...

– Тогда...

– ...это только изображение ключа... Я видел немало таких изображений... но ни разу не встречал настоящего ключа...

– Может, не дошли до нас... истлели... рассыпались в прах...

– Ну да, конечно, – он щелкает клювом, – хрупкая бумага уцелела, нежные скрипы уцелели, а скрипичные ключи рассыпались в прах?

– Значит, они были еще нежнее, чем тончайшая бумага!

– Вы думаете?

– Я... я уверен.

– А мне кажется, тут всё может быть сложнее... смотрите... – он снова показывает мне бумагу со знаком, – люди создали чертеж ключа, открывающего скрип, но сам ключ они сделать не смогли, такая задача оказалась не по зубам нашим предкам... Но она окажется по зубам вам!

– Вы имели в виду... нашему народу?

– Я имел в виду вам лично. Вот и посодействуйте народу, подумайте, как сделать скрипичный ключ... нет, даже не думайте про кузницу – пойдете от меня, посмотрите на ограду возле дома, сколько там этих кованых ключей, ни один

не подходит к скрипу...

Обреченно киваю:

– Найду... найду, как его сделать...

Отступаю к двери, дверь захлопывается передо мной.

– Ишь, какой вы шустрый... Это еще не все...

Настораживаюсь. Что-то подсказывает мне, что вся эта сделка – сплошной обман, что он подкинет мне невыполнимую задачу, чтобы уничтожить.

– Взгляните... взгляните на это, – он показывает мне причудливый изогнутый столик с маленькой полочкой, полочка оказывается ящиком, в котором аккуратно уложены белые и черные коробочки, – роял...

Киваю. Он бормочет, что у вас там, на краю земли, про роял и не слышали, где вам...

– А теперь посмотрите на это...

Вздрагиваю.

– Виолан, – смотрю на то, что могло быть шкафчиком или сундучком, по форме напоминающем скрипич.

Отлично, вы делаете успехи. А это?

– Арфей.

– Превосходно. Это?

– Тромб. А это кларноты.

– Все-то вы знаете, умный вы наш... Ну раз такой умный, так скажите, где от них ключи?

– Э-э-э...

– ...вы вообще слышали когда-нибудь про виолановый

ключ? А про рояловый?

– Э-э-э... нет.

– Вот именно! Наши предки не успели даже сконструировать чертежи этих ключей, не говорят уже о том, чтобы сделать их вживую!

– Не выдерживаю:

– Да они и этот-то не доделали...

– В смысле?

– А вы сами посмотрите, где параметры? Длина, ширина, высота? Ну, хорошо, это ключ с одной стороны, а как он должен выглядеть сбоку? Сверху?

– Вот и разберетесь, – кивает он, – даю вам неде...

– ...ну, за неделю я ничего не успею. Нет, дело-то ваше, можете через неделю меня пристрелить, только так вы вообще ничего не узнаете. На это могут понадобиться годы... если не века...

Ну, насчет веков вы загнули, а годы да, да... придется...

Выхожу на лестницу, натываюсь на скрипичные ключи на перилах, ключи, ключи, ключи, из замочной скважины торчит связка скрипичных ключей...

– ...я нашел ключ.

– Вы...

– ...нашел ключ.

– От... от чего?

– А вот этого я не знаю.

– В смысле? – он смотрит на меня насмешливо, недоверчиво, – нашли ключ, и сами не знаете, от чего?

– К сожалению, так.

Он щелкает клювом.

– Этого не может...

– ...можете не верить, а ключ я нашел.

Он замирает на пару секунд, наконец, протягивает руку.

– Ну?

– Ч-что?

– Что – что, ключ давайте.

– К сожалению, я не могу этого сделать.

– А жить вы хотите?

– Очень.

– Так в чем же...

– Я не могу его принести.

– А что такое, – короткий смешок, – тяжелый сильно?

– Да нет... тут другое...

– Слушайте, вы мне голову-то не морочьте, ключ...

– ...я покажу вам, где ключ.

– Ну, пойдете... крикните там шоферу, чтобы...

– ...шофер нам не понадобится.

– Ну, знаете, я в вождении не силен...

– Да нет. Мы не поедem на машине.

– Друг мой, это не вам решать...

– Ну, посмотрим, как вы на своей машине по лесной чаще поедете.

– Это... в чаше?

– В самой глубине.

– А... а из чаши никак его нельзя...

– ...никак.

– Но...

– ...увидите – поймете, почему.

Он щелкает клювом, он сомневается, он думает, он...

– Можете взять с собой слуг, если боитесь, – говорю я, он вздрагивает от моего – боитесь, уши встают торчком.

Это он меня бояться будет, ключ ваш... пойдете...

Идем, – по лестнице с перилами из скрипичных ключей, которые не подходят к скрипичам. Пересекаем улицу, подсвеченную фонарями, уходим в темноту ночи, все дальше от света, я зажигаю лампаду, она нехотя освещает крохотный пятючок пространства вокруг нас. Лес обступает, подкрадывается со всех сторон, деревья перешептываются, кутаются в туман. Моему спутнику не по себе, и я его понимаю, мне тоже хочется бежать из этой темноты, из этой осени, из подступающего морока ночи. Дорога кажется бесконечной, я уже сам начинаю сомневаться, что мы найдем...

– ...и сколько еще идти?

Откашливаюсь.

– Наберитесь терпения. Ключи не любят сразу раскрывать свои тайны...

Он сомневается, он думает, не вернуться ли назад. Хочу снова подстегнуть его фразочкой, что он боится – понимаю,

не подействует, ему и правда страшно. Бормочу в утешение, что цель близко-близко, вот уже сейчас-сейчас...

– Да вы меня...

– ...нет, не разыгрываю.

– И...

– ...вот. Смотрите сами.

– К-куда смотреть?

– Так вот же...

– И... что это...

– ...ключ.

– Где? На дне ручья? – он наклоняется, шарит рукой в студенной воде, от которой поднимается белесоватый пар.

– Нет... вы не поняли... ручей, это и есть ключ.

– Но...

– ...и есть ключ.

– Вы с ума сошли, как может...

– А почему нет?

Его зрачки сжимаются в щелочки:

– А почему – да?

– Вот, смотрите... – подношу к лампаде страницу старинной книги, – ключ – родник, бьющий из-под земли...

Он читает. Он перечитывает. Он не верит.

– Вы подде...

– ...можете проверить и убедиться, что это не фальшивка.

Мне попались еще по крайней мере два таких словаря, где говорилось о ключе, как об источнике.

– Но это же...

– ...да, я и сам удивлен... вы понимаете, я и сам удивлен, что ключи появились раньше, чем то, что открывало эти ключи, что наши предки создали пианы и роялы до того, как...

Он снова наклоняется над источником – на этот раз ко-черга в моей руке не промахивается, зря, что ли, оставил её в зарослях...

...перевожу дух.

Меня будут искать.

Я знаю – меня будут искать.

И не найдут.

Потому что.

Просто.

Не найдут.

Шагаю по едва различимой тропинке, подсвечивая себе путь тускнеющей лампадой – её должно хватить до того, как проклюнется рассвет, а дальше я выйду на дорогу, которая ведет...

...к ключу.

Потому что Ключ.

Потому что я сжимаю в кармане обрывок страницы, которая говорит мне, что

Ключ – верхний камень, который замыкает свод строения.

Где-то там, на западе должны быть древние постройки, где-то там должны быть ключи, интересно, от чего...

– ...вы понимаете... он хочет его убить.

– Кто хочет? Кого хочет? – следователь смотрит на меня, не понимает.

– Ну... я не знаю. Там. За стеной.

Следователь хмурит брови:

– За какой стеной?

– За стеной спальни.

Следователь щурится:

– Вашей спальни?

– Да. Понимаете, я недавно приобрел жилье...

– Документы на жилье покажите, будьте любезны.

– Документов нет.

– А в чем дело?

– Понимаете... я убил предыдущего владельца.

– Вы...

– ...убил хозяина. На дуэли.

– Свидетели...

Называю свидетелей.

Следователь кивает, смотрит заявления от свидетелей, хмурится, ну что такое, надо же указывать, на чем дрались, на шпагах, ну так и пишите, на шпагах, причина дуэли – оскорбление, писать надо, чем именно он вас оскорбил, в следующий раз такое заявление не приму...

– Итак, жилье по закону досталось вам... и вы говорите...

– Голоса за стеной. Один другого угрожает убить, если тот не принесет какой-то ключ...

– Убить? Вы уверены, что речь шла не про дуэль?

– Нет-нет, именно про убийство...

– Вы говорите, голоса... за стеной... странно, странно...

вы уверены, что это был не сон?

– Нет, я не спал... клянусь вам, бессонница уже которую ночь...

– Галлюцинации?

– Исключено.

– На всякий случай я допрошу ваши галлюцинации, мало ли...

– Да, разумеется.

– И разберусь с голосами. Обязательно.

– Друг мой, с вами всё понятно.

Смотрю на следователя, не верю себе, так быстро...

– Всё оказалось проще, чем я думал... За стеной вашей квартиры находится другая квартира... и вы слышите голоса оттуда, кто-то с кем-то ссорится...

– Осторожно откашливаюсь:

– Это все было бы прекрасно... но дело в том, что за стеной у меня никого нет.

– Откуда вы знаете, что там никого нет? Вы проверили? Вы заходили в квартиру?

– Нет.

– Так как вы можете судить?

– Очень просто... там, за стеной, нет никакой квартиры.

Там улица.

Следователь вздрагивает.

– Черт, это усложняет дело... намного усложняет... что ж вы сразу-то не сказали, что там улица?

Хочу ответить – вы меня и не спрашивали, – не отвечаю.

– Улица, улица... что же... придется осмотреть ваше жилище...

– ...вы говорите... это происходит по ночам?

Следователь простукивает стены старого дома, ищет что-то, чего там нет, и не может быть. Просвечивает какими-то сканерами, тепловизорами, прислушивается...

– Вы говорите... по ночам?

– Да, днем их не бывает.

Страж порядка еще раз смотрит на стену дома на высоте второго этажа, озадаченно бормочет, что ж вы сразу не сказали, что в частном доме живете, не в квартире, я-то про квартиру думал, что там за стеной скандалят, а тут вот оно что...

– Постойте-ка... – он хлопает себя по лбу, – ну, конечно же!

– Что такое?

– Здесь... что здесь было раньше?

– К-когда раньше?

– Ну... лет двадцать назад... тридцать... сорок... двести...

Фыркаю:

– Шутите, меня тогда и на свете не было...

– Ну, это же не мешает вам заглянуть в архивы, не так ли?

– Вы думаете... кладбище?

– Ну, я сомневаюсь насчет кладбища на высоте второго этажа.

– Тогда что же?

– Не догадываетесь? А ведь все просто... Вы не думаете, что раньше здесь стена к стене с вашим домом мог стоять другой дом, а то и целый замок, в котором кипели страсти и козни? Вы не думали, что этот дом могли снести, или он развалился от старости...

– ...и как это его снесли, что не задели мой дом?

– Ну... мало ли... это вопрос к строителям, не ко мне... но вы поищите, поищите, обязательно...

– ...ничего подобного.

– Уверены?

– Совершенно уверен, – смотрю на пустошь за стеной дома, на далекие холмы, на маленький лесок за пустошью, – никаких следов построек, ни малейшего намека на руины, обломки чего-то древнего, ни одной записи в архиве, ни одного упоминания в летописях... Вряд ли кто-то мог так стереть само воспоминание о том, что здесь когда-то что-то было.

А может... может кто-то и правда нарочно скрывает информацию о том, что здесь было?

– Но... зачем?

– Само собой разумеется, если в доме кто-то кого-то убил или обещал убить, – убийца захочет скрыть свое преступление. Будем искать, что поделать... быть не может, чтобы...

– ...мы вынуждены обыскать вас.

– Что, простите?

– Мы вынуждены обыскать вас.

Смотрю на тощего пацана, сколько ему может быть лет, восемнадцать, не больше, а то и меньше, – бледнеет, хлопает глазами, того и гляди свалится в обморок.

– Но я же... ничего...

Хочу чем-нибудь его успокоить, вместо этого бормочу, сейчас узнаем, чего вы или ничего. Наклоняюсь над столом, листаю страницы рукописи, одной, другой, третьей, – нет, нигде ни слова про замок возле моего дома, про интриги в маленьком городке...

Обреченно смотрю на следователя:

– Не то.

Он уже сам понимает – не то. И на кой черт мы это сделали, спрашиваю я себя, ну на кой черт, – какой-то безумный жест отчаяния, вот так, ворваться в комнату к начинающему писателю, про которого, может, никто никогда и не узнает, перерывать его рукописи...

А что нам остается, спрашиваю я себя, что, что, что, торчать на каких-то писательских сборищах, болтать ни о чем,

интересоваться, а над чем вы работаете, ой, надо же, как удивительно... И искать, искать эту проклятушую историю про дом на том месте, где дома нет...

Потому что...

.

– ...я все понял...

Следователь недоверчиво смотрит на меня.

– Что такое?

– Ну, конечно же... это... это кто-то придумал.

– Что придумал?

– Вот этот дом возле моего дома... и двух людей, один хочет убить другого...

– К-кто придумал?

– Ну... писатель какой-нибудь... автор... вот он придумал, а оно в жизнь пробивается... просвечивает...

Следователь первый раз смотрит на меня как следует.

– Слушайте, да вы гений... ну, конечно же...

.

А потом уже – торчать на каких-то писательских собраниях, болтать ни о чем, интересоваться, а над чем вы работаете, ой, надо же, как удивительно... И искать, искать эту проклятушую историю про дом на том месте, где дома нет...

.

Этого быть не может, говорит следователь.

Этого быть не может, повторяет следователь, смотрит на меня, что за безумие в самом-то деле, перебрали всех бу-

магомарак в городах, и ничего, ничего...

Смотрим друг на друга, понимаем, надо искать, искать, по всем странам, по всем континентам, искать автора, который заставил одного героя убить другого...

...голоса...

...голоса за стеной...

– Вы найдете мне ключ. Ключ. Ключ.

– К-какой ключ?

Шорохи...

– И не вздумайте даже, живым отсюда не выйдете... Вот...

Скрип...

– Скрипич...

– Вы знаете, как это открывается?

...голоса...

.

Я знаю.

Смотрю на следователя, понимаю – он действительно знает. На этот раз.

И...

– Этого дома и правда не было в прошлом.

– Ну, разумеется, мы...

– ...но также этого дома не было и в вымышленных мирах.

– Вы думаете...

– ...я уверен.

– Но тогда...

– ...тогда остается только одно. И это...

Подхватываю, осененный догадкой:

– Будущее, не так ли?

– Именно так. Будущее. Через десятки, сотни, тысячи лет на пустоши будет стоять дом, в нем кто-то кого-то захочет убить...

– ...я могу спасти его? Помочь ему?

– Ну как же вы... хотя... хотя постойте-постойте, если это произойдет в далеком будущем, вы же можете оставить ему сообщение, записку какую-нибудь... пометки на полях в какой-нибудь книге...

– Точно! Ну, конечно же, пометки в книге... – хватаю с полки первый попавшийся фолиант, который оказывается орфографическим словарем, открываю на слове Ключ, я должен записать здесь что-то... что-то...

Аннахилт, Баллох, Висбеч

Только подходя к роскошному особняку, я чувствую – здесь что-то не так, здесь что-то должно случиться, здесь, сейчас, в этом предпраздничном затишье. Казалось, ничего не располагало – уютный дом в три этажа, янтарно-желтый свет из окон, сверкающий снег, тени заснеженных деревьев, тающие в темноте ночи, дорожки света на снегу – и все-таки чую, что это только затишьье перед бурей, что мир затаился перед чем-то по-настоящему страшным.

Я поднимаюсь на припорошенное снегом крыльцо, дергаю дверной колокольчик – он отзывается тревожным перезвоном. Снова говорю себе, что именно в такие ночи, в такие вот безмятежные праздничные времена и происходит самое страшное.

Щелкает замок. Светлые волосы, зачесанные назад, платье в обтяжку, блестки на красном бархате.

– Здравствуйте, уважаемый гость, проходите, пожалуйста... будьте добры, вашу шляпу, ваш плащ... спасибо, – ловко вешает на крючки, – пожалуйста, проходите, очень рады вас видеть, ваша комната наверху, на третьем этаже... здесь вот на первом этаже у нас большой зал, тут ёлка, вот сюда на второй этаж – столовая, ужин в восемь, а вот ваша комната по коридору до конца и направо...

Вхожу в комнату, по привычке оглядываюсь, не мельк-

нет ли что-нибудь в тусклом свете лампы, за шкафом или в углу возле кровати. Светлые волосы, платье в обтяжку рассказывает еще что-то про ванную за дверью, про бильярдную в зале на втором этаже, про бассейн...

Фрагменты пазла складываются в единую картину – вот оно, говорю я себе, вот оно, та, которая заманивает гостей в дом, любезно улыбается, рассылает приглашения, уводит ни о чем не подозревающих людей в лабиринты комнат, и когда гость расслабится, очарованный атмосферой праздника...

...опережаю её.

Сжимаю тонкое горло, рвется нитка жемчуга, перламутровые шарики со стуком и грохотом разлетаются по паркету.

Слабый хруст.

Обмякшее тело безвольно падает на постель.

Выхожу в коридор, прислушиваюсь к предпраздничной суете дома – тревога не уходит, только усиливается, как будто чем дальше я иду по этому роскошному особняку, тем больше подкрадывается что-то недоброе....

– А-а-а, с прибытием! С наступающим вас! – хозяин дома спешит мне навстречу, окликает меня по имени. Хозяин у этого дома человек весьма эксцентричный, – начнем с того, что он поставил в башенке над самой крышей подзорную трубу, чтобы наблюдать луну, хотя всем и каждому известно, что достаточно покрошить во дворе звезды, чтобы луна сама спустилась к земле. Кроме того, он приделал дому па-

руса и крылья, чтобы в рождественскую ночь дом отплывал в рождество, – как будто дом не может отчалить в рождество сам по себе. Немало чудачеств было у хозяина – к примеру, на каждое рождество он покупал фонарям на садовой дорожке новые шляпы и шарфы, хотя все добропорядочные граждане покупают новые цилиндры и шарфы себе, а фонарям отдают старые. И его странная затея пригласить в рождество людей из разных городов, чтобы имя, фамилия человека, и название города начиналось с одной и той же буквы, в алфавитном порядке... Аннахилт, Баллох, Висбеч, Галашилс, Деал, Ермстон, Ибсток... Меня передергивает, мне не по себе, это похоже не на список городов, а на перечень дьявольских имен, которые нужно произнести, чтобы вызвать верховного демона... Портмадог, Чиддингфолд, Раядер, Шорхэм-бай-Си...

Мне страшно.

Я начинаю понимать, что здесь замышляется...

Он и ахнуть не успевает – я хватаю со стены тонкую шпагу, пронзаю его горло, кровавые брызги летят в стороны...
...грузное тело падает на ковер.

Перевожу дух – только сейчас понимаю, что избавил этот дом и этот вечер от чего-то ужасного, почти неминуемого, что готово было обрушиться на наши головы...

Пронзительный женский крик в конце коридора.

Бросаемся туда – все, разом, рассматриваю гостей, круглый мужчина в очках, не иначе, что-то замышляет, непри-

метная женщина, почему-то не смотрит в глаза, себе на уме, девочка лет десяти...

...и полная женщина в конце коридора, смотрит на распахнутую дверь комнаты, где на кровати...

С трудом протискиваюсь через толпу, наконец, вижу убитую, – светлые волосы собраны в пучок, блески на красном платье...

Наклоняюсь над лежащей, уже вижу смещенные позвонки, уже понимаю – мертва.

– Чья... чья это комната?

Круглый мужчина начинает перечислять что-то про алфавитный порядок, про то, что здесь должен быть кто-то на Ша, а кто у нас на Ша... ой, я и есть на Ша, Шэридан Шеппард из Шорхэм-бай-Си...

Круглого хватают, круглого тащат под арест в подвал. Я уже догадываюсь, что он выберется оттуда, еще не знаю, как – но выберется, обязательно...

Не успеваю домыслить – новый крик заставляет меня вздрогнуть, мы бежим туда, на второй этаж, чтобы увидеть хозяина дома, пронзенного шпагой...

Игра началась, думаю я.

Игра началась.

– Кто-то убил хозяина дома... и секретаршу... – говорю в пустоту, больше для самого себя, чем для сидящего рядом, – кто-то...

– А вам не кажется странным... – неприметный молодой

человек садится рядом со мной у камина, – что нас собрали здесь в алфавитном порядке, из городов, Аннахилт, Баллох, Висбеч, Галашилс, Деал, Ермстон, Ибсток... Портмадог, Чиддингфолд, Раядер, Шорхэм-бай-Си...

Я не даю ему договорить – нож для мяса у меня в руках действует быстрее меня самого, я рассекаю тощее горло – прежде чем с бескровных губ срываются слова, способные вызвать демона...

Убийца еще на свободе, – говорит полная женщина.

Убийца еще на свободе, – говорят все.

Мне страшно, – кто-то заколол неприметного молодого человека, Сэм Смит из Сторноуэя – убийца действует не по алфавиту, и это странно, или эти убитые о чем-то догадывались, и их пришлось убрать раньше времени...

Кто-то говорит, надо бы позвонить в полицию – все отмаживаются, какая полиция, дом уже отчалил в рождество, тут уже не дозвонишься, да и телефон еще не изобрели...

Часы бьют полночь.

Я неслышно спускаюсь по лестнице, я должен увидеть, что делается в подвале...

Темная тень крадется вдоль стены, – не сразу узнаю неприметную женщину.

– Какого черта вы тут делаете?

– Я только...

– В чем дело?

– Я просто...

Я понимаю, что нужно опередить её, я зажимаю ей рот рукой, я...

– ...сегодня ночью убили еще двоих.

Вздрагиваю, огорошенный страшной новостью, роняю тарелку, которая со звоном разлетается о мрамор.

Называют имя неприметной женщины, и имя круглого господина, который сидел в подвале, и которого кто-то застрелил.

Мне страшно.

Я понимаю, что убийца до сих пор среди нас, что он смеется над нами, водит нас за нос, пока не уничтожит нас всех...

Мне страшно.

Я прислушиваюсь к тишине спящего дома – опасность не ушла, опасность все еще здесь, она окружает, она подкрадывается, замирает, чтобы затаиться – и ждать.

Ночь молчит – не слышно ни шороха, ни звука, мир замирает.

Я осторожно выбираюсь из комнаты, крадусь по коридору, вниз по лестнице, в зал, где ёлка...

...замираю.

Ночь замирает вместе со мной.

Вижу девочку возле ёлки, спрашиваю себя, остался ли кто-нибудь еще кроме этой девочки в доме – не знаю ответа.

Подбираюсь.

Подкрадываюсь.

Еще не понимаю, еще не верю себе, когда вижу, что имен-

но рисует девочка на паркете, старательно вычерчивает...

Вот черт...

Аннахилт...

Баллох...

Висбеч...

Галашилс...

Деал...

Ермстон...

Ибсток...

Чиддингфорд...

Раядер...

Шорхэм-бай-Си...

Причудливый многоугольник, нет, не многоугольник – многоконечная звезда, на лучах которой начерчены имена городов...

Начинаю понимать.

Всё.

До конца...

...паркет, залитый кровью.

Под кровавыми потоками проступает имя самой девочки, только сейчас вижу её имя, Нелли Найт из Неттлбеда.

Страх отступает.

Только сейчас начинаю по-настоящему чувствовать, что опасность ушла.

Дом причаливает к берегу, возвращается из рождества. Схожу на берег по заснеженному крыльцу, иду мимо фона-

рей, закутанных в новые шарфы, один из фонарей даже вежливо приподнимает шляпу. Перевожу дух, только сейчас понимаю – я нашел убийцу. Плохо, что нашел только сейчас, когда все погибли.

Обещаю себе в следующий раз найти убийцу до того, как.

Найти.

Убийцу.

До того, как погибнут все.

Замираю на бескрайней пелене снега.

Прислушиваюсь.

Не сразу понимаю, откуда слышится тревога – наконец, чувствую замок на вершине холма, где-то там, в конце шоссе, за сколько-то километров отсюда. Там собираются люди. Кто-то из них окажется убийцей, я знаю. Кого-то я должен буду остановить.

Кого-то...

Недаром же я иду туда, недаром же автор отправляет меня в этот замок – в моей жизни не бывает случайностей...

Воспоминание о Цитадели

Снова спрашиваю:

– Откуда вы знали?

Уже понимаю – он не ответит.

Обрезаю еще две струны причудливого инструмента.

Молчит. И это я тоже знаю – будет молчать, я видел, как

он ловко меняет струны...

Повторяю.

Медленно.

С нажимом.

– Откуда. Вы. Знали.

Замахиваюсь топориком – не над ним, над ним бесполезно, над инструментом, ну-ка, ну-ка, посмотрим, что ты на это скажешь...

Бледнеет.

Падает на переломанные колени, распластывает по паркету переломанные крылья. Делаю знак палачам:

– Оставьте, оставьте... он скажет... он все скажет... Итак, еще раз, я повторяю свой вопрос: откуда вы знали, что мы атакуем Цитадель сегодня... если мы сами до сегодняшнего утра не знали этого?

– ...понимаете... тут все просто, – оглядываю палачей, которые смотрят на меня с подобострастием, – есть люди, для которых физическая боль ничего не значит, вы можете

выкручивать им крылья, клещами ломать клюв, вытягивать глаза... нет смысла. Но если вы возьмете что-то очень ценное для этого человека, все изменится... он будет на коленях умолять, чтобы вы не громили инструмент... Я тоже почти подумал, что ошибся, – он не дрогнул, когда я ломал его хитромудрые приборы... но когда я взялся за скрипку, все переменялось... Теперь я понимаю, есть инструменты, которые можно починить, но есть уникальные в своем роде вещи, которые не восстановишь...

– Это да... но что он сказал вам?

– А, ну да, самое главное...

– ...я вижу будущее.

– Я догадывался... для меня это не откровение. Мне гораздо интереснее знать, как именно вы его видите.

Вместо ответа он показывает на причудливый прибор, трубку на подставке, трубу, которая вертится во все стороны туда-сюда...

Заглядываю в трубку, – по тихому смешку пленного понимаю, что меня ждет фиаско. Так и есть, вижу глухую стену в окуляре, ничего больше.

– Э нет, не так... это надо в башню... откуда вы это при-тащили...

Киваю:

– Без проблем, отнесем в башню... дальше что?

Снова тихий смешок:

– Боюсь, без меня вы ничего не сделаете.

Фыркаю:

– Значит, сделаем с вами.

Делаю знак своим, чтобы подхватили пленного оракула – ага, все-таки взвыл от боли, все-таки застонал. Думаю, переживет он вообще восхождение на башню или нет, или нужно перевязать раны, здесь, сейчас, или ничего, подождет, потерпит...

...потерпит...

– ...вот сюда... к окну... да позвольте, я сам...

Смотрю на него недоверчиво, такому ничего не стоит разбить причудливую трубу и перерезать себе горло осколком – нет, плохо я его знаю, рука у него не поднимется ломать ценнейший прибор – насчет его горла я не уверен...

– Вот... вот... теперь смотрите...

Заглядываю в трубу, не сразу понимаю, почему я вижу башню с огромными окнами – ведь трубка направлена почти вертикально вверх – почему клетчатый узор, как на нашей башне, почему я вижу человека с одним крылом – он смотрит в причудливую трубку на подставке, почему я вижу еще одного человека за его спиной, человека со сломанными крыльями, человека в оковах, которые, впрочем, не мешают ему размахнуться, и...

...разворачиваюсь.

Бью нападающего – как учили, промеж рогов.

Падает с протяжным хрипом, добавляю еще несколько ударов.

– Смешной вы человек... сами же дали мне трубку, в которой видно настоящее, а теперь...

Он отфыркивается, откашливается, обреченно смотрит на меня.

– В-верно...

– Ну, хорошо, это настоящее... а будущее покажите, будьте любезны?

– Сейчас... настрою...

– И чтобы без глупостей.

Он бормочет, что в нашем деле не может быть никаких глупостей, выверяет что-то, ищет в бесконечном небе...

– ...вот... здесь...

Звоню в колокольчик, подзываю стражников, чтобы попридержали не в меру ретивого пленника, смотрю в стекло – чувствую, как ёкает сердце.

Я вижу темноту ночи, подсвеченную факелами, я вижу башню с клетчатым полом, я вижу Цитадель, которая только сегодня наконец-то стала нашей, я вижу полчища врагов, окружающих крепость – войска, войска и войска, орды, орды и орды, осатаневшие от ярости, что у них отобрали бесценную святыню крепости.

Спрашиваю:

– Когда это случится?

– Сегодня ночью.

Вскакиваю – нельзя терять ни секунды, надо сообщить всем, всем, всем, скорей, скорей, скорей – еле успеваю спо-

хватиться, кивнуть стражникам, чтобы перевязали пленному раны...

– Мне нужен исход битвы.

Смотрю на него – пристально, в упор, спрашиваю:

– Мне нужен исход битвы.

Эти слова хочется произнести вкрадчивым шепотом – не получается, потому что шум сражения проникает даже сюда, в высокую башню...

– Сейчас... сию минуту... – он снова смотрит в хитромудрый прибор, бледнеет, – чер-р-рт...

– Что такое?

– Сейчас... сейчас... найду...

– Потеряли? Ну и хороши же вы, ничего не скажешь...

– Да нет, сейчас... сию минуту... а... вот! Взгляните, взгляните!

Смотрю в стекло, – на душе теплеет, когда я вижу растерзанные останки наших врагов – несть им числа, окровавленные знамена, изуродованные сломанные доспехи...

– Мы победим! – бросаюсь прочь, на лестницу, – мы победим! Да!

Стрела вонзается в горло, захлебываюсь кровью, даже не успеваю увернуться от клинка, который рассекает мое единственное уцелевшее крыло...

– ...ч-чер-р-рт...

– Сейчас...

– П-пусти... б-больно...

– Сейчас... все будет хорошо...

Кто-то жжет меня – больно, сильно, не сразу понимаю, что кто-то пытается скрепить разрезанное крыло, вправить растерзанное горло...

– Б-больно...

– Сейчас... сейчас...

Узнаю голос – на свою беду узнаю голос, я не хочу его узнавать, что вообще происходит...

С трудом разлепляю веки.

Смотрю в пустоту звездного неба.

С трудом фокусирую взгляд на своем спасителе, бывшем пленнике – я даже не знаю его имени.

– К-как... как так получилось... я же видел... вы же мне говорили...

– Это случится. Но... наверное, не сразу...

– Вы столько лет работаете, – выхаркиваю слова с кровью, – и не знаете, как это все... устроено?

Понимаю, что мог бы и не спрашивать, понимаю, что он сделал это нарочно, чтобы уничтожить нас...

– Я сам не понимаю, как это случилось... – он смотрит в пустоту неба, – будущее было там, там... – показывает пальцем, – а потом резко перескочило сюда...

Меня передергивает.

– Что-то вы завираете... звезды не перескакивают...

– Ну, почему же...

Вздрагиваю:

– Она у вас что, скорость света обгоняет? Или как?

– Получается, что да...

– Нет-нет, тут другое что-то... постоит-ка...

– ...а ведь я все понял...

Он смотрит на меня с надеждой.

– Вы...

– ...все понял, – продолжаю я, – Вы смотрели не на будущее. И не на прошлое.

– А...

– ...и даже не на настоящее. Взгляните сами.... Ваша труба... причудливое хитросплетение линз... она лишь показывает то, что далеко... бесконечно далеко... Какие-то дальние миры, где-то там, там, там... миры, которые не имеют никакого отношения к нашему.

– Но... как вы объясните... что там тоже есть солнца? А земли? А луны? А мертвые пустоши? А оазисы? А Цитадель?

– Ну... это вопрос не ко мне, а ко вселенной. Я тут много что смотрел... – постукиваю коготками по трубе, – миры, миры, миры... миры, которые только зарождаются, и миры, которые уже умирают, миры, где только строят первые крепости и миры, где руины последних Цитаделей заметает песок... Это не наши миры, друг мой, не наши...

Он усмехается при слове «друг», я понимаю, что он только и ждет удачного момента, чтобы перере... нет, не сходится, зачем-то же он спасал меня...

– Я видел, как я спасал вас... там, в тех мирах... Значит, так должно было случиться...

Снова хочу добавить, что те миры не имеют ничего общего с нашим. Не добавляю.

– Но миры сходят с ума, – он обреченно смотрит на меня, – сегодня еще один... он был там... а теперь здесь...

– Ну, еще бы, что-то черное умирает...

– А при чем здесь...

– ...при всем.

– ...так вы говорите свет...

– ...идет от звезды до звезды... – киваю, – и проносится мимо чего-то черного, чего-то темного... но очень тяжелого. И вот проносится мимо, и... изгибается. Прямой свет изгибается в дугу, искривленный, летит к нам...

Он смотрит на меня недоверчиво:

– Немыслимо... что-то вы темните...

Пожимаю плечами.

– Зря, что ли, астрономию изучал.

– Вы... так вы...

Он узнает меня, он бросается ко мне – я еще не узнал его, только вспоминается намеками-намеками что-то давно забытое, отжившее, а дай переписать, а тебе какую лекцию, а все, а дай тетрадку, я по ней сдам, открывает на экзамене мою тетрадь, тайком, под партой, ничего не понимает, обреченно машет рукой... Потом еще что-то, какие-то мечты, какие-то звезды, ты прикинь, что я видел-то, если линзы

на звезды направить, они как шарики выглядят, звезды-то... Потом уже было все по-другому, была Цитадель, было – на-лево, кругом, было – именем Цитадели, потом – враг Цитадели – мой враг, потом учился ломать клювы и крылья, выведывать вражеские тайны, потом...

– Так что все твои предсказания гроша ломаного не стоят...

Он прижимает уши, опускает то, что осталось от крыльев, – он так еще в училище делал, когда я говорил, что ничего путного из него не выйдет.

Меня начинает потряхивать озноб, думаю, надо бы разжечь костер, – он (не помню, не помню его имени) спохватывается, нет, нет, нет, нас могут увидеть. Уже не спрашиваю, кто – те или эти.

Молчим.

Он не к месту и не ко времени вспоминает, что когда-то хотели полететь туда, к звездам, на собственных крыльях...

– ...дель!

– Ч-что... что такое?

– Да Цитадель же!

С трудом разлепляю веки, пытаюсь понять, что вообще происходит, смотрю на пылающее зарево там, где должна быть Цитадель...

Бежать.

Бежать к Цитадели, даром, что нет сил бежать к Цитадели, скорее, я должен быть там, я должен держать меч, даром,

что не могу держать меч, я должен рубить врагов, даром, что зарубят, скорее, меня...

Спешим к Цитадели, охваченной пламенем, она кажется бесконечно, бесконечно далекой. Уже поднимаясь по склону холма, я чувствую, что что-то не так, я не слышу звона клинков, я не слышу криков и клекота, и шума крыльев не слышать...

Догадываюсь – уже когда добираюсь до Цитадели, когда вижу то, что осталось от двух непобедимых армий – растерзанные тела, песок, напитанный кровью, обломки доспехов...

Еще кричу остатками израненного горла, еще зову кого-то, хотя знаю, что никто не отзовется.

Оборачиваюсь – вовремя, чтобы отбить атаку, думаю, откуда у него силы на рукопашную, откуда у меня силы на рукопашную, черт меня дери, откуда у меня силы держать меч, уцелевший у кого-то из убитых...

...снова мир заливается кровью, песок предательски скользит под ногами, камни вонзаются в колени...

...Он опускает меч.

Отворачивается.

Сейчас удобно как никогда рубануть с плеча – не рублю, понимаю, что-то происходит, он что-то видит там, зря, что ли, настраивает хитромудрые линзы...

– Я все понял, – говорит он, наконец.

Молчу.

– Это не другие звезды там... далеко... не другие земли...

– Да?

– Да. Одна и та же звезда, и что-то черное изгибает её свет по всей вселенной... петлями, спиралями, бешеными лабиринтами...

– Думаешь?

– Уверен. Звезды давно погасли, звезды умерли, там, вдалеке, остались только куски черноты... которые бесконечно гоняют по кругу один и тот же свет...

– Хочешь сказать... осталась только наша планета... и наша звезда...

– Боюсь, что нет...

– Но как же...

– ...вот так... боюсь, мы не более чем отражение звезды, погибшей миллиарды лет назад.

Чувствую, что бледнею.

– Воспоминания... немислимо... не более, чем воспоминания...

– К сожалению.

Смотрю на то, что некогда было двумя непобедимыми армиями, спрашиваю то, что хотел спросить уже давно:

– А с нами... что дальше будет?

Он отвечает сразу же – видно, уже смотрел.

– Мы убьем друг друга.

– Но... нет, мы этого не сделаем, смеешься, что ли...

– ...убьем.

– Видел?

– Видел.

– А вот и проверим...

Все-таки разжигаем костер – чуть в стороне от кровавой битвы, устраиваемся на ночлег – снова подступает холод, и я уже знаю, что это не холод пустыни, это холод чего-то другого, что приходит за всеми за нами.

Сегодня ночью всё случится.

Сегодня ночью мы узнаем, что мы видим там, среди звезд...

Где-то на западостоке

Это же где-то на западе было, да?

Или на севере?

Или это же было где-то на юге?

Ну не на востоке же, в самом деле?

И меня спрашивают – и я спохватываюсь, отвечаю, ну конечно, конечно, где-то на западе, а может, на севере, а может, на юге, но уж никак не на востоке, ну не могла быть Восточная Империя на востоке, ну уж никак.

Я уже знаю – лучше сделать вид, что мне ничего не известно, совсем-совсем ничего.

И они заведут ничего не значащий разговор о ничего не значащих вещах, и останется только кивать и поддакивать, ух ты, да вы что, вот это да, быть того не может.

И про Восточную империю больше не вспоминать.

Совсем.

И когда кто-нибудь после третьей-четвертой рюмки скажет, что её вообще не было, никакой Восточной Империи, да откуда ей вообще взяться.

Кажется, это было где-то на востоке, скажут мне.

И я подхвачу – ну, конечно же, на востоке.

Или нет, постойте, на севере, перебьет кто-то.

Ну конечно, кивну я, на севере.

Или нет, на юге это было, возразят люди.

Ну, разумеется, на юге, соглашусь я, где же еще.

Не на западе же, вставит кто-то.

Конечно же, какой запад, быть того не может, чтобы на западе.

Я уже знаю – лучше сделать вид, что мне ничего не известно, совсем-совсем ничего.

И они заведут ничего не значащий разговор о ничего не значащих вещах, и останется только кивать и поддакивать, ух ты, да вы что, вот это да, быть того не может.

И про Западную империю больше не вспоминать.

Совсем.

И когда кто-нибудь после третьей-четвертой рюмки скажет, что её вообще не было, никакой Западной Империи, да откуда ей вообще взяться.

Сегодня у меня праздник.

Сегодня цветет вишня.

Праздную цветущую вишню, чтобы не забыть, кто я, и что я.

Рисую пагоду.

Опять же, чтобы не забыть, кто я, и что я.

Вырезаю фонарик из пустой тыквы, вставляю свечу, ставлю на окно.

Чтобы не забыть, кто я есть.

Когда-нибудь я построю свой замок, говорю я себе.

Когда-нибудь, говорю я себе.

Смеюсь сам над собой.

Уже знаю – этого не будет.

Когда-нибудь у меня будет пагода, говорю я себе.

И смеюсь.

Потому что знаю – никогда.

Смущаемся.

Когда нас представляют друг другу, уже не помним, где и как, и почему, какой-то вечер, какой-то праздник (не мой, не её), называют какие-то имена, смотрим, смущаемся, да мы немного знакомы, ну, не сильно, ну да...

Пожимаем руки.

Любезно улыбаемся.

Встречаемся за столиком в кафе.

Думаем, в который раз мы встречаемся здесь, в которой жизни.

Как всегда говорим о чем-то ни о чем, а где работаете, а кем, а как устроились, – хотя хотим спросить совсем другое, а чего, собственно, от нас хочет мироздание, зачем нас приводят сюда снова и снова, чего от нас ждут – что мы уьем друг друга, или что мы сыграем веселую свадьбу, и наш сын объединит два мира...

Мы не знаем.

Мы не думаем об этом, не хотим думать. Спрашиваем, кто где работает, кто как устроился, и вообще...

Мне снятся самолеты, говорю я.

Мне снятся самолеты, говорит она.

Они летят, говорю я.

Они летят, говорит она.

Они сражаются над городом на мечах, говорю я.

Она хмурится, она сомневается, она не верит, нет, мечи и самолёты – это как-то не вяжется одно с другим, в те времена мечей уже не было, самолеты на пистолетах сражались, не иначе...

Расходимся.

Кто-то там, кто вернул нас сюда, сердится, что опять ничего не получилось.

Думаю – что именно не получилось.

Это же где-то на востоке было, – спрашивают нас.

Спрашивают – где-то в большой компании.

И я говорю – ну, конечно же, на востоке.

Или нет, на севере.

Да разумеется, на севере.

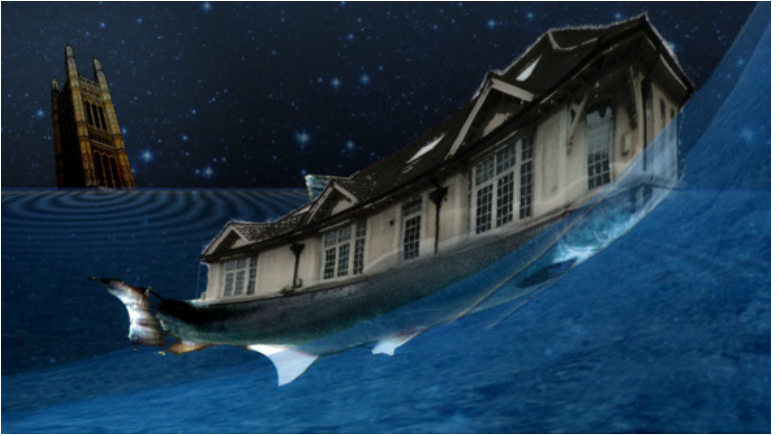
Да нет же, на юге.

Ну, кто бы сомневался, конечно, на юге.

Но не на западе же, говорят мне.

Ну, конечно, соглашаюсь я, как Западная Империя может быть на западе, откуда е й взяться на западе в самом-то деле...

Это же было где-то на западе, спрашивают меня...

Пять граней

...нельзя не упомянуть еще одну немаловажную опасность, которая подстерегает Города – это бездомные паразиты, которые проникают в города, паразитируют на них, живут за счет городов. Если паразитов будет слишком много, город умрет. Более того, у паразитов есть такие способности, которые и не снились добропорядочным горожанам. Поэтому будьте осторожны...

...не то.

В гневе захопываю справочник – все не то, не то, не то, никто не скажет мне, что делать, если город рушится, если под городом подтекают ручьи, точат камни...

Мой город умирает.

Я первый раз говорю себе это – мой город умирает, первый раз с ужасом признаю жуткую истину. Устрашающие картины оживают в моем воображении, я начинаю понимать, что это и есть те самые паразиты, которые медленно подтачивают город изнутри, шаг за шагом...

«Там река».

«А?»

«Река там... под городом...»

«Река?»

«Ну да, да, река... вы ей трубу сделайте, туннель, чтобы ей было, где течь, а то она в земле течет, город подтачивает...»

«А... как...»

«...из бетона трубу... давайте я вам чертежи скину...»

Даже не сразу понимаю, что говорю сам с собой, вернее, не с собой, а с...

«...с кем?»

Я оглядываюсь, я ищу его, не нахожу, да кто здесь есть кроме меня на этой сырой пустоши...

«А меня здесь нет... а я дальше...»

Смотрю на горизонт, дальше, дальше, ничего не видно, ничего нет...

«А я совсем далеко... А это неважно, а давайте я вам чертежи скину... вот... смотрите...»

Смотрю. Я еще не верю себе, что все так просто, и одновременно так сложно, проложить трубу...

...город будет жить.

Я уже понимаю это, уже чувствую – мой город будет жить.

Спохватываюсь, вспоминаю про того, который говорил мне что-то, про того, которого рядом нет, и в то же время есть. Я понимаю, что должен чем-то отблагодарить его, что должен сделать что-то для него, весь вопрос – что он потребует взамен...

«Позволь мне быть в твоём городе».

«А?»

«Позволь мне быть в твоём городе».

«Но...»

Хочу сказать – но, не успеваю, не могу, понимаю, что

не может быть никаких – нет. Что он придет. Понять бы еще – кто он.

Я не понимаю, что я вижу – человек, и в то же время не человек, потому что я первый раз вижу человека без города, без своего города. Он входит в ворота – первый раз за столько веков вижу, чтобы кто-то входил в ворота – низко кланяется, оглядывает дома, идет по улицам, сворачивает в переулки, выискивает таверну, в которой можно поужинать...

Что происходит, спрашиваю я себя, что, черт возьми, происходит.

И не нахожу ответа.

– Вы... что вы делаете?

Я и правда не могу понять, что он делает, что творит на этот раз. А вроде бы я уже начал привыкать к нему, как он расписывает тончайшей кистью своды храмов, как вырисовывает причудливые узоры на кирпичных стенах, как возводит на пустырях воздушные замки, на которые остается потом только нарастить каменную плоть, как поправляет покосившиеся домики, оживляет какие-то полуистлевшие руины, про которые я уже почти забыл, что они есть...

Но это что-то новенькое.

Очень новенькое.

Первый раз вижу, чтобы он водил тончайшей кистью по пустоте, кистью без туши, вырисовывал невидимые узоры...

– Вы... что вы делаете?

Он вздрагивает, оборачивается:

– А?

– Вы... что вы...

– А-а-а, расписываю купол...

– Но...

– ...хотите сказать, здесь нет никакого купола?

– Да, именно так... – подбираю слова, думаю, как объяснить ему, что сначала строят собор, и только потом расписывают его купол, но уж никак не наоборот.

– А купол не здесь, купол в другом городе.

– В другом...

– ...в другом городе. В Букбурге. Там, к западу – показывает куда-то в никуда.

– Но как же вы...

Он загадочно улыбается:

– Вот так.

– ...им там еще ограда нужна... и шпиль... – бормочет он.

Я уже понимаю, что происходит. Он все больше уходит мыслями туда, в Букбург, и я понимаю, что скоро уйдет не мыслями тоже.

И я ничего не смогу с этим поделать.

– ...мне было очень хорошо у вас, – он кланяется, – спасибо.

Бормочу какие-то слова благодарности, слова прощания, как положено.

Он исчезает на горизонте.

Спрашиваю себя, кто это был, что это было, – не нахожу ответа.

И понимаю, что не найду.

На кирпичной стене мерцает его рисунок – дорога, уходящая к звездам...

Нас семеро.

То, есть, я не знаю, может, есть еще кто-то, где-то, как-то – но скорее всего, нет.

Поэтому нас семеро.

Я.

И еще шестеро.

Нас зовут...

...мы не таскаем с собой свои имена, они слишком тяжелые, чтобы тащить их от города к городу. Имена есть только у двух, его зовут Черри, его зовут Джем.

Нет, мы не слышим далеко-далеко.

Это другое.

Нет, мы не видим, что в других городах.

Это другое.

Я не могу объяснить.

Я просо пишу картину здесь – и она появляется за много километров отсюда.

Просто...

– ...а что с вами случилось?

– Ничего не случилось.

– Тогда почему у вас нет своего города?

– А почему он должен у меня быть?

– Вы разве не хотите свой город?

– Представьте, нет.

– У вас было какое-то разочарование, связанное...

– ...нет.

– Тогда почему...

...потому.

Пересечемся, говорит Чарли.

Пересечемся, говорит Джем.

Пересечемся? – спрашивают меня.

Я смотрю – они едут в Клокбург, я еду в Таймбург, нам не по пути.

Не сегодня, говорю я.

Не сегодня, говорят остальные.

– ...что вы делаете? – спрашивает Таймбург. Я не нравлюсь ему – несмотря на то, что уже столько всего сделал для города.

– Вашу копию.

Я уже предвижу вопросы, – так и есть, Таймбург боится:

– Копию? А мне это не повредит?

– Что вы, ни в коей мере... Вот, посмотрите, я делал копии множества городов, и...

– Вы... вы делаете копии городов?

Таймбург возмущен, я понимаю, что попал, и попал крепко, что я не смогу ему объяснить, как это я хожу по городу, делаю его копии, улицу за улицей, дом за домом, где и как я

храню их – воспоминание о городах...

– Вы... вы хотите навредить городу?

Не успеваю ответить – что-то обрушивается в мое сознание, даже не сразу понимаю, что именно, а вот...

СРОЧНО!

ВСЕМ!

Узнаю.

Это Черри.

И Джем.

Только они там, а я здесь. Бежать, бежать из города, срочно, со всех ног, может, успею в Клокбург, да черта с два я успею в Клокбург, в спешке пишу сообщения – кто ближе к Клокбургу, скорее туда...

«Они мертвы», – сообщает мне кто-то из наших.

Рушится мир под ногами, в отчаянии перебираю новости, новости, новости городов, городов, городов, вот оно, случилось то, чего мы боялись, два паразита в городе, сегодня два, завтра сто, послезавтра миллион, спасайте себя...

...понимаю.

Клокбург испугался и убил их.

Смотрю на Таймбург – здесь надо как-то откланяться и уйти, понять бы еще, как...

– ...прячьтесь, – говорит Таймбург.

– А?

– Прячьтесь. Они будут искать вас... таких, как вы... вам надо затаиться, всем...

– С-спасибо, – мой голос меня не слушается.

– А копию мою уберите... или это повредит мне?

Понимаю, что тут нужно соврать, что увы, это навредит городу, еще как навредит, так что придется оставить...

...прячусь в маленькой гостинице на маленькой площади, молюсь, чтобы не нашли...

...Клокбург. Город часов, безумный часоворот, затягивающий в бесконечность, часы, которые показывают не время, а что-то, что пожелают сами...

...Букбург, город – раскрытая книга на неведомом языке, город, который хочется читать страницу за страницей.

Таймбург – город времени, нет, не так, город – само время, в котором можно заблудиться, блуждая от эпохи к эпохе...

Атемпус – город-безвремяе, город по ту сторону времен и пространств.

Ищу, в какой город отправиться дальше, смотрю города – на расстоянии, ищу, чем помочь где какому городу, – советом, делом, словом, где написать легенду, где картину, где чертеж замка...

«...не получается», – говорит мне город, – «шпиль рушится».

Понимаю, что учел не все, далеко не все, что не все я могу увидеть и понять на расстоянии...

«Иду... уже иду в город...»

Спешу к городу, через полдня пути уже вижу в отдалении исполинский мегаполис, закрученный в спираль, в ракушку,

в которой прячется создатель города. Он как всегда недоуменно смотрит на меня, он не может понять, кто я, и что я, как такое возможно, чтобы сам по себе...

Настраиваю шпиль, все и правда оказалось сложнее, чем я думал, – первый раз за столько лет чувствую настоящее воодушевление, попалась действительно сложная задача...

...не сразу спохватываюсь, что так и не рассмотрел город как следует, – что-то неуловимо знакомое в этих краях, что-то, что-то...

– Вы родом отсюда, – говорит город.

Он не спрашивает. Он утверждает. Когда я разламываю хлеб, не режу – разламываю, сам не знаю, почему – разламываю, да потому что, потому что так делали там, где я родился и вырос, так делает этот город...

– Вы родом отсюда, – говорит город.

Вечер.

Сумерки ноября.

Шорохи подступающей ночи.

Свет фонарей.

Города собираются в круг, разжигают костер, греют озябшие руки у очага, рассказывают друг другу страшные истории о далеких краях. Снова вспоминается что-то давно отжившее, забытое, как грелись у костра в сумерках подступающей зимы, говорили о чем-то страшном, от чего хотелось придвинуться поближе к огню...

Там чудища, говорит Часоград.

Там чудища, говорит Луноград.

Там чудища, говорит Времяград.

Их имена кажутся мне рычащими, спотыкающимися о самих себя, родными – и в то же время непривычными, так бывает, когда не слышишь их много лет, когда они уходят куда-то в глубину памяти, а потом вскрываются, как старые раны, кровоточат...

Понимаю, что ничего не знаю про мир, в котором я родился и вырос.

Ничего...

Они там людей едят, говорит Сонград.

Они там людей едят, вторит ему Хлебград.

Там нет городов, говорит Звездоград.

Там нет городов, вторит Часоград.

Там ужасы, говорит Времяград.

И смотрит вопросительно на меня, ждет, когда я скажу – там ужасы.

Мотаю головой, говорю – быстро, отрывисто, нервно, что там, там, там, за горизонтом, за краем земли, там города, такие, же как, вы, у них тоже раковины закручены в спираль, у них тоже свои дома и улицы, свои колокольни, свои лестницы и мосты...

Надо мной посмеиваются, хорош завирать в самом-то деле...

Я не выдерживаю, я показываю им копии городов, которые натащил со всего мира, вот, смотрите, это Таймбург, го-

род времени, да, Времяград, а это Темпополис, он тоже... тоже город времени, а это Луневилль, да, господин Луноград, там тоже месяцы на башнях, а это...

Они смотрят. Они не верят мне. Они изумлены, они даже и представить себе не могут, что где-то там, за горизонтом, куда не заглянуть, такие же города, и улицы, и дома, и жители, и часы, бьющие на башне, и изящные ограды мостов...

Они нас не любят, наконец, говорит Сонград.

Они нас не любят, подхватывает Звездоград.

Я снова показываю копии – имбирный пудинг, которым кормил меня Пудигн-сити, пряники от Таймбурга, уютная постель в половинке луны, куда устроил меня на ночлег Старбург.

Показываю купола и шпили, мосты и туманы, туманы над мостами, мосты над туманами, Туманоград не верит, так это же я, не-е-е, это Смогбург...

Потрескивает пламя костра.

Города с завистью смотрят на горизонт, где там, там, там...

Часоград с тоской говорит, вот бы тоже поехать куда-нибудь, посмотреть мир, так это же как трудно, где это видано, чтобы города так далеко ходили, да еще и через границы, где это видано, неприлично просто, да и как этот город исполинский на себе потащишь...

Звездоград с тоской говорит.

Туманоград с тоской говорит.

Так говорят города.

Мне уже и самому неловко, что я был там, я видел города, я ходил по улицам, я писал картины на стенах, я ел луну, запеченную в соусе из погасших звезд, я пил рассветы первого вешнего дня, я был там, где не бывает снега, а бывает безнег, а они – нет.

Враки все это, – не сдается Сонград.

Враки, – вторит ему Хлебград.

Остальные думают, подхватить про враки, или нет.

Не подхватывают.

Нас пятеро.

По числу стран.

Вернее, это я уже потом спохватился – что нас пять человек, по числу стран, раньше я об этом не размышлял.

«...я помогу вам», – говорю я городу.

«А?»

Город пугается, я понимаю – этот город раньше не видел меня, он первый раз слышит мой голос издалека, он еще боится. Я пытаюсь объяснить ему, кто я, и что я, – тут же понимаю, что это бесполезно, он не может понять, он должен увидеть...

...и почувствовать.

«Я сделаю вам ограду», – говорю я.

«А?»

«Я сделаю вам красивую кованую ограду. Больше никто не упадет за край земли».

«А вы...»

«...умею».

«А...»

«...умею», – я торопливо показываю городу эскизы моих оград, это вот в Таймбурге делал, это в Сонграде, это в Мунсити, это...

Городу нравится – я это чувствую, но город все еще сомневается, он не знает меня, он...

Тут, главное, не торопиться. С одной стороны – не хватать за горло, не торопить, пусть он подумает – но не сильно, надо бы поднажать, намекнуть, другие дорожке возьмут, да и сделают поплоче, не то, что вот, например, я...

Он задумывается. Я подбрасываю ему пару писем из других городов, отличный парень, что есть, то есть, жалко, мало у нас пожил, столько бы еще сделал...

Город замирает.

Ну же, ну же, ну...

Наконец, осторожно замечает, ну, мы бы были рады вас видеть при определенных обстоятельствах...

Я плохо понимаю язык города, я хватаюсь за это – рады видеть, я даже не обращаю внимания на какие-то там обстоятельства, я даже толком не перевожу эту фразу – она переводится как-то коряво, неумело, спотыкается сама об себя.

Ладно.

Главное – рады видеть...

Я спешу к городу – я здорово вымотался за последние

дни, но я спешу к городу, ведь он ждет меня, он волнуется, он нетерпеливо смотрит на часы, которые высоко на башне, в которых живут летучие мыши и летучие совы.

Легкая пыль клубится на горизонте пустыни.

Еще не верю, что вижу.

Еще не верю себе.

Нет.

Никакой ошибки.

Город спешит мне навстречу.

Сжимается сердце – первый раз вижу, чтобы город сам шел ко мне навстречу, чтобы вышел встречать меня...

Взмахиваю крыльями, сильнее, сильнее, к черту усталость, к черту всё, я должен поспешить к нему...

...пуля прожигает крыло.

Еще одна.

Еще.

Еще.

И снова – не верю себе, не понимаю, взмахиваю белыми крыльями, распускаю за плечами белый плащ, белый флаг, что им еще нужно, чтобы понять...

...это уже потом, потом – что ничего он не понимал, этот город, что боялся, что он стрелял, потому что хотел стрелять, что...

...мир заливается кровью.

Песчаная пустошь бьет по лицу, ломает крылья.

Лететь.

Бежать.

Ползти.

Если это можно назвать – лететь, бежать, ползти, прочь от смерти, прочь от выстрелов, прочь от города, который хочет убить меня, – что-то темнеет там, впереди, обрыв, пусть это будет не обрыв, пусть это будет граница, города не ходят через границы, если я дотащу свое тело, такое тяжелое, такое будто бы не мое, холод, холод, как холодно, красные дорожки уходят в песок...

Граница...

Граница...

...границы...

Хватаюсь за грань, переползаю через острый угол, мне кажется, что сейчас развалюсь пополам – падаю на песок.

Стихают выстрелы.

Он не погонится за мной.

Я знаю.

Не погонится.

Заставляю себя поднять голову, заставляю себя посмотреть на пустыню передо мной, на два города поодаль – поднимаю руки, падаю на колени, ору что-то, что я не виноват, за что меня, за что, за что, за что...

Города испуганы ничуть не меньше, города утешают меня, что вы, что вы, все хорошо, все в порядке, позвольте пригласить вас в гости...

Я хочу домой, говорю я себе.

Первый раз за столько десятков лет я говорю себе – я хочу домой, первый раз вспоминаю, что у меня есть какой-то дом, где снег прячется от языков костра, где черное небо утыкано звездами, где страшные истории у очага, про то, что там, там... мне тоже теперь будет что рассказать, что там, там...

Обращаюсь к нашим.

Ко всем.

В отчаянии кричу в пустоту, как добраться до дома, где он вообще – дом, мир слишком быстро меняется, вертится волчком, бешеным лабиринтом, все города превращаются в город из древней сказки, до которого три года скачи – не доскачешь...

А мы тебе говорили, – говорит Хлебоград.

А мы тебе говорили – говорит Часоград.

Молчу.

Зализываю раны.

Я до сих пор не понимаю, что произошло, почему город набросился на меня, почему он хотел растерзать меня...

...и у меня так же было – говорит кто-то из наших, от волнения я даже не могу понять, кто именно.

Кто-то рассказывает, как его чуть не сожрал город, кто-то жалуется, как три года, три месяца, три недели, три дня и три ночи шел к городу, и еще три часа, три минуты и три секунды, упал в изнеможении у врат града обетованного, но град закрыл золотые врата.

Они нас боятся, – говорит кто-то из наших.

Они нас боятся, – говорит еще кто-то из наших.

А мы тебе говорили, – говорит Луноград.

А мы тебе говорили, – говорит Соноград.

И хлопчут вокруг меня, сам, сам виноват, чего не сиделось, вот теперь вишь, чего оно случилось, говорили тебе, чудища там живут...

– Говорили, – у меня даже нет сил сопротивляться.

– Ну, вот то-то же...

Дома... пробую на языке это сладкое слово, дома, и ничего, что у меня своего дома еще нет, я построю свой город, я буду таскать его на себе, как улитка ракушку, я...

...не понимаю.

Что значит – явиться в пункт призыва, что значит – немедленно...

...и самое главное – что значит – война...

Отчаянно перебираю сводки новостей, пытаюсь понять, что случилось, не понимаю, информация путается сама в себе. Осторожно спрашиваю у наших, что случилось, – вздрагиваю, когда меня обжигают болью и ненавистью.

Не верю себе.

Не понимаю.

– А... а что? А в чем дело?

Снова поток ненависти, сильнее, сильнее, сильнее. Сквозь бурю негодования еле-еле пытаюсь понять, что происходит, почему они все, разом, возненавидели меня, люто, бешено, отчаянно, обжигают, кусают, жалят...

– Нет... нет... – еще пытаюсь возразить, – Часоград, и Луноград, и Времяград... они ни на кого не нападали, они никого не...

...снова буря негодования, да это же все они, они, они...

И снова не понимаю.

Что значит – явиться в пункт призыва.

Что значит – Таймург напал, Таймбурга вообще не было возле наших границ...

Что значит – Атемпус хочет повернуть наше время вспять, Атемпус вообще про нас не знает...

Отчаянно напрягаю сознание.

Вижу – все пять граней нашего мира, сто городов на каждой грани, по двадцать городов подходят к каждой границе, грохают выстрелы, рушатся шпили, охваченные пламенем, храмы проваливаются сами в себя, пепел, подхваченный ветром...

Холодеет сердце.

Там города, говорю я себе, там Клокбург, которому я расписывал купол в соборе, там Таймбург, которому я выстраивал шпиль, там Атемпус, которому я делал кованую решетку, и Мунсити...

Бежать.

Бежать туда.

Спасти хоть что-нибудь, что еще успею спасти.

Замираю на границе, смотрю на города, которые виднеются на горизонте, вспоминаю костры, окруженные метелями,

сказки Часограда и Сонограда, хлеб, который надо не резать, ни в коем случае не резать, только ломать...

Падаю на песок.

Хочется выть, выть, выть, – во весь голос, как наши дикие предки, которые еще не умели строить города.

Выть – чтобы слышали...

Делаю то, что делал всегда – бросаю в информационное пространство образы городов, городов, городов, памятник Хлебу на площади Хлебограда, памятник Прянику в сквере Джинджербурга, картину-зеркало в картинной галерее Дримбурга, флюгер в Таймбурге, который показывает не потоки ветра, а потоки времени, Мунсити, который спас меня от верной смерти в пустыне, ночные огни Звездограда, песни бессмертия в Инфинити, город такой на берегу вечности...

...пусть видят.

Пусть знают.

Пусть.

Отчаянно сигналию своим, пусть делают то же самое, – я уже не верю, не надеюсь, что они услышат меня, что они поймут меня, я жду нового всплеска боли, гнева, ненависти...

...понимают.

Бросают в пустоту эфира песни Клокбурга и колокольные звоны Светограда, запах жареных фантазий на площадях Букбурга, танцующие памятники Смогбурга, театр Тенеграда...

...сам не замечаю, как замирают выстрелы, как обруши-

вається така пронзительна тишина, що я навіть слышу чьото промелькнувшую мысль: черт возьми, там такі же города, у них навіть зрачки так же сжимаються в щелки...

Понимаю, що це тимчасове затишшє.

На мить – не більше.

А потім все почнеться спочатку, і знову, і знову доведеться бросати в пустоту копії городів, цвітущі парки Блумбурга, осінні перелети книг в Книгороді, тайни Таймбурга...

Випускаю їх – все, все, все, все воспоминання, бережно збережені за віка і віка. Кого-то підбиває шальна пуля, кого-то сшибають метким вистрелом, чер-р-рт, як хочеться загнати їх назад, назад, назад, поки ще живі...

...нет.

Вперед, – в світ, щоб всі бачили, всі слышали, пісні живої музики в Саундбурзі і голоси привидів в старинному замку...

«...ты идиот».

«А?»

«Идиот, что непонятно-то».

Пытаюсь понять, кто это говорит, – никогда не слышал голоса оттуда, никогда...

«Нет, ты, молодец, конечно... везде был, все видел... но идиот...»

«Но...»

«...ты бы хоть представил, зачем все это».

«Ч-что з-зачем?»

«Все зачем».

«А...»

«Вот тебе и „А...“ Знаешь, сколько здесь было городов?»?

Перечисляю по именам...

«...нет, а до них?»

Пугаюсь – тут же беру себя в руки, нет, не проведешь...

«Не было никаких городов, что вы, в самом-то деле, в жизни я не видел здесь руин, или...»

«...конечно, не видел. Война сметает всё...»

«Тогда тем более надо сберечь то, что...»

«...а когда придут новые города – куда они денутся, если старые не уйдут?»

«...а когда придут новые города – куда они денутся, если старые не уйдут?»

«...а когда придут новые города – куда они денутся, если старые не уйдут?»

Понимаю.

Страшная догадка обрушивается на меня ушатом ледяной

воды... Хочу спросить, и сколько раз города меняли города,

сколько десятков, сколько миллионов раз – не спрашиваю.

«Шестьдесят семь миллиардов раз...» – говорит он.

Я так до сих пор и не знаю, кто он.

«Ты лучше подумай, сколько их будет еще... сколько их

могло бы еще быть, если бы не...»

Я понимаю. Я хочу связаться с остальными, но понимаю,

что они уже слышат его...

Мне страшно. По-настоящему страшно – уже не за себя,

и даже не за нас за всех, а за города, я могу перечислить их

по именам – и не только каждый город, но и каждую ули-

цу, и...

«...они останутся».

«Но вы сами говорили, что...»

«...они останутся...»

«...да вы же сами сказали, что...»

«...останутся. Я заберу их. Я о них позабочусь...»

Посылаю ему знак благодарности.

Замолкаем.

Все.

Разом.

Зову свои воспоминания назад, ко мне, ко мне, ко мне...

Они не летят, они боятся, они чувят свой удел...

«Я позабочусь о них, – кто-то перехватывает мои воспоминания, – позабочусь...»

Снова выс... нет, это уже не выстрелы, это уже что-то другое, мир горит, все горит, города горят, извиваются еще живые тела в треске пламени, а потом мир заполняется болью, нет, не так, мир – и есть сама боль...

– ...а ведь вкусно... – он разламывает еще одну раковину, вытягивает оттуда сочную аппетитную мякоть города, – умешь ты готовить... умешь...

– Еле-еле на этот раз состряпал...

– А что такое?

– Да паразиты...

– Это еще что, первый раз слышу...

– Вот я тоже первый раз... как тебе объяснить... сами ничего не строят... только шастают туда-сюда...

– Ну и пусть их шастают... у меня вон тоже шастали какие-то... и ничего...

– Да ладно бы просто шастали, они же что устроили под конец, когда уже города на всю землю разрослись, когда грызня пошла...

– А что?

– Додумались правду городам показывать... про другие города.

– Прав-ду? Да вы что, вы...

– ...вот-вот...

– Ну, так под корень их резать, правдурубов этих...

– ...вот в следующий раз и зарежу... Пусть только вылезут... у них как-то так получалось, что они видели весь мир... весь мир одновременно... все грани...

– Немыслимо...

– Вот-вот, и я про то же, невысказано...

...доделываю анфиладу, ведущую в бесконечность.

Смотрю вдаль.

Нет, не на горизонт, а за горизонт, где бесконечно далеко затаился Мемориград со своим величественным лабиринтом памяти, по которому можно бродить до бесконечности.

Сегодня я буду в Мемориграде.

Дома – и одновременно в Мемориграде.

Не успеваю подняться по бесконечной лестнице в лабиринте, – тревожный сигнал вырывает меня из сладкого оцепенения. Не сразу понимаю, что случилось, а вот – Снегород

зовет, Снегород просит помочь, чахнет зимний сад, в котором растут зимы...

Понимаю, что на расстоянии тут много не насоветуешь, надо подбираться ближе к городу, смотреть, что там случилось, как можно спасти снежное великолепие...

– ...ну что... паразитов повывел?

– Какое там...

– А что такое?

– А то такое... слушай, как такое вообще может быть, чтобы теперь города друг друга издалека видели?

– Технологии...

– ...нет, это у них от рождения... врожденное что-то... а-а-а, понял, понял!

– Что понял?

– Да вот же, смотри... предыдущих-то сожгли, прах в землю упал... а новые-то из того праха выросли, а прах-то перемешался, вот они теперь все... такие...

– Так сожгите еще раз!

– А если не поможет?

– Еще... еще... еще... пока не подействует...

Он сожжет нас.

Мы уже понимаем – кто-то там, наверху, сожжет нас.

– Мы ничего про них не знаем, – Часоград обречённо смотрит на меня, – совсем... совсем ничего.

Хочу поддакнуть, не поддакиваю, спохватываюсь, черт возьми, а ведь все так просто...

– Знаем, – говорю я, – знаем.

– Ч-что знаем?

– Пять стран, – говорю я, – пять стран.

– И?

– Пять граней.

– И?

– Ты представляешь себе планету с пятью гранями?

Город давится улицами.

– То есть... то есть то, что нам веками втирали, что земля плоская, можно забыть?

– ...как и то, как нам втирали, что земля круглая.

– Пять граней... и что?

– Да вы хоть представляете себе фигуру с пятью гранями?

– Ну... э... а... а вот, пирамида! – Часоград рисует в воздухе чертеж пирамиды с четырехугольным основанием, – вот...

– Да, а ты не заметил, что у нашего мира все грани одинаковые? Мир из пяти пятиугольников?

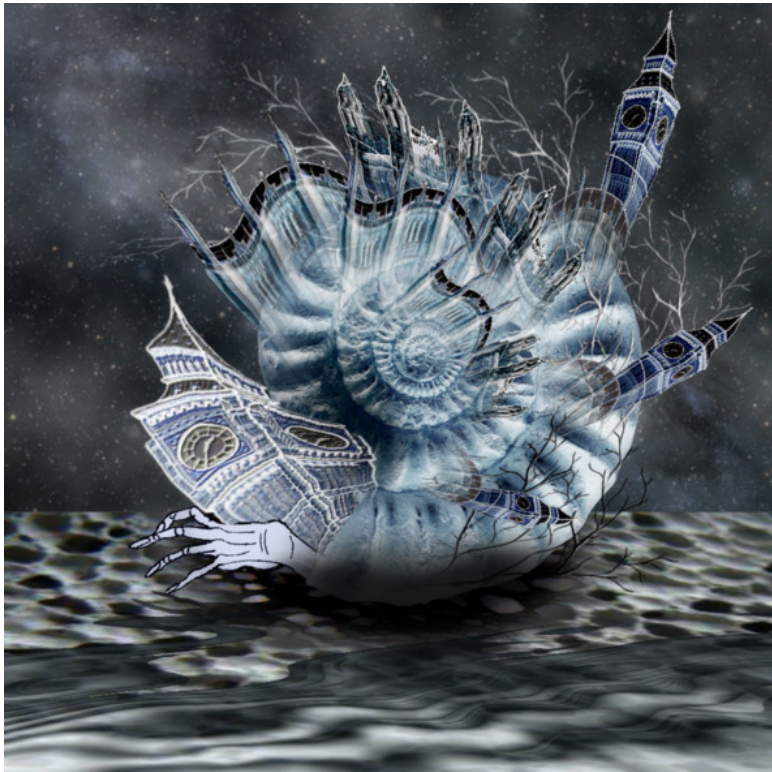
– Мир из пяти... стой-стой, тогда уж должно быть шесть граней... додека...

– ...то-то и оно, что никакой мы не додекаэдр...

Отчаянно пытаюсь представить себе фигуру из пятиугольников, немислимо изогнутую в пространстве, явно превышающем трехмерное...

Когда мы поймем это, мы сможем бросить ему вызов.

...Может быть...

Вырытое небо

...если его на фабрике собирают, зачем там люди вообще, это все автоматизировано должно быть...

...и учить его тоже не люди должны, а машины...

...выбился из шеренги, пошел цветочки смотреть, все-то ему интересно...

...ух, тебе сейчас зададут жару...

...это что это они, по небу вниз головой ходят?

...ничего себе, небо долбят, звезды выскивают...

...а этот, главный герой, свалится, не иначе...

...ну, так и есть, свалился...

...растяпа...

...не, не надо его на отбраковку...

...все-таки дали знак качества...

...а где небо-то, небо-то где?

...это они в большой мир вышли, а там неба нет?

...н-да-а, доигрались с экологией, что уже всё небо извели...

...то есть, эти роботы не нужны больше, а завод их все еще выпускает по инерции?

...и что они теперь делать будут?

...лапку себе сломал...

...правильно, денег нет лапку починить, откуда у него деньги...

...а это кто, это менеджер какой-то...

...ишь, какой важный...

...это он его сейчас переучивать, перенастраивать будет...

...сбежал, дурак...

...что он там в этом небе ковыряется, нет там ничего...

...да и неба самого нет...

...обветшал совсем, бедолага...

...а город-то чего погас...

...а вон чего, люди вымерли, город погас...

...а этот-то менеджер лежит, гниет, тлеет...

...что, дальше пошел небо копать?

...не, ну должен же он что-то найти... вон блестит звез-

да...

...а нет, мусор какой-то...

...свалился...

...а осколки-то как полетели...

Снять задачу

Еще можно повернуть назад, говорю я себе.

Еще можно.

Еще не поздно повернуть назад.

Отказаться.

Здесь.

Сейчас.

Сию минуту.

Снять задачу.

Еще можно повернуть назад.

Оборачиваюсь – в ту сторону, где далеко-далеко война.

Она еще не добралась сюда, не докатилась, она еще только идет по моим следам, она еще только подкрадывается.

Я не хочу умирать.

Говорю это осторожно, чтобы не слышали другие, чтобы не слышал даже я сам —

Я не хочу умирать.

Тут же стираю эту мысль, тут же стираю само воспоминание о том, что стираю эту мысль.

Снова тихонько думаю —

Я не хочу умирать.

Снова стираю мысль.

Еще можно повернуть назад.

Еще можно снять задачу.

Ставлю на паузу.

Замираю на вершине холма, откуда видно белесую пустошь, на горизонте которой темнеет приземистая громадина... чего?

У меня нет данных.

Я все еще стараюсь не думать о том, куда иду.

Не думать.

Как будто, если не думать, там ничего и не будет.

Включаю память.

Это шанс, говорит Зет.

Последний шанс, говорит Зет.

Почему вы так считаете, спрашиваю я.

Так уже было, говорит Зет.

Показывает мне память – не мою и не его, чужую, чью-то, а может, и вовсе ничью. Так тоже бывает – ничья память.

Так уже было, говорит Зет, показывает в чужой памяти бесконечно далекие войны, про которые уже никто и не помнит, что они были, причудливые, давно забытые орудия, крепости, которые только кажутся неприступными. Враг окружает, враг наступает, спасения нет...

...а потом что-то происходит. Я не могу понять – что, все слишком быстро, слишком беспощадно, слишком стремительно, – я вижу то, что минуту назад было вражеской армией, а теперь лежит на песке, растерзанное в клочья, в ошметки, в обломки, в обрывки.

Я не понимаю, говорю я.

Я тоже не понимаю, говорит Зет.

Когда это было, спрашиваю я.

Зет называет даты. Мой разум не может принимать такие даты – бесконечно древние – мне приходится расширить свое сознание, куда-то в незримые дали – сознание давится само собой, не может развернуться так далеко. Пытаюсь уцепиться хоть за что-то, спрашиваю чужую память, под какими звездами, под каким солнцем была война – память отвечает, называет звезды, галактики, миры, я не слышу ни одного знакомого имени.

Так было, говорит Зет.

Тогда.

Тогда.

И тогда.

Так будет сейчас, говорит Зет, когда враг будет у ворот, когда нет спасения – что-то придет, что-то растерзает вражеские орды...

Что, спрашиваю я.

Что – что-то, спрашиваю я.

Пойдешь туда, говорит Зет, приведешь оттуда что-то, говорит Зет.

Показывает на северо-восток.

Заставляю себя идти.

Два километра до цели.

Еще можно повернуть назад, говорю я себе.

Еще можно отступить.

Выворачиваю память, вытряхиваю оттуда войны, в которых было вот так же, враг у ворот, неминуемая гибель цитадели – и победа, победа отчаянно ценой, и цитадель стоит еще тысячи лет, переживая поколения и поколения. Победа – без вот этого непонятного, неведомого, немислимого, что таится там, там...

Так нельзя, говорит Бета.

Так нельзя, запоминаю я.

Почему, спрашиваю я.

Потому что, говорит Бета.

Мы не знаем, что это, говорит Бета.

То, что уничтожит наших врагов, то же уничтожит нас самих, говорит Бета.

Пыль под ногами.

Солнце в зените.

Бета показывает мне память – не его память, ничью память – где немислимое нечто рвет на куски врагов цитадели, потом замирает, словно задумывается – и терзает саму цитадель, оставляя от неприступной крепости горстки пепла.

Я смотрю на память – ничью память, я пытаюсь понять, правду я вижу или нет, я не понимаю. Память штука коварная, память играет с нами, подбрасывая то, чего не было, пряча от нас то, что было.

Так было, говорит Бета.

Память не врет, говорит Бета.

Память правду говорит – говорит Бета.

Скорость к нулю.

Замираю возле гробницы, которая кажется древнее самого мира.

Снова говорю себе – еще можно повернуть назад.

Говорю себе – да.

Да.

Набираю цифры на кодовом замке.

Легкий щелчок.

Дверь открывается сама, мне даже не приходится её дергать – затхлая пустота вырывается из сумрака, я тщетно пытаюсь разглядеть, что там, впереди – даже луч фонаря не помогает.

Гробница.

Здесь.

Совсем рядом.

Гробница, которую еще можно не открывать.

Пытаюсь рассмотреть то, что внутри – непрозрачная крышка не позволяет мне этого сделать.

Там холод.

Просто.

Холод.

Еще можно ничего не открывать, говорю я себе.

Еще можно уйти.

Просто.

Уйти.

Спрашиваю себя, да или нет.

Вспоминаю гибнущую Цитадель.

Говорю – да.

Да.

Вытаскиваю из памяти ритуал, который якобы должен вернуть к жизни это... это...

Это безумие, говорю я себе.

Просто.

Безумие.

Обреченно делаю то, что говорит мне память – шаг за шагом, шаг за шагом.

Хорошо, что никто не видит это безумие – говорю сам себе.

Выжидаю.

Время, говорю я себе.

Время.

Ждать.

Время.

Жду.

...и все-таки пропускаю этот момент, когда из гробницы выбирается нечто, о чем тогу сказать только одно —

Нет данных.

Нет.

Данных.

Информация раскрывается, подсказывает мне, что этим можно управлять – первый раз я по-настоящему не верю информации.

Отступить поздно.

Слишком поздно.

Я посылаю ему сигнал.

Жду.

Так и есть, – не воспринимает.

Посылаю новый сигнал, еще надеюсь на что-то.

Нет ответа.

Командую сам себе:

Бежать.

Бежать.

Прочь – от того кошмара, который я вернул к жизни.

Разворачиваюсь, ускоряю шаг, больше, больше, больше.

Тут же выстреливает задача – вернуться, немедленно, вернуться, остановить это, непонятное, неведомое, что выпустил своим безумием...

Снять задачу, говорю я себе.

Снять задачу.

Снять задачу, снять задачу, снять, снять, снять...

– Велл!

Сначала даже не понимаю, откуда этот звук, потом спохватываюсь...

– Велл!

Сомнений не остается.

Это он.

Он.

Оборачиваюсь.

Уже хочу ответить – велл, что-то подсказывает снять задачу, запросить дополнительную информацию...

Велл.

Скважина.

Колодец.

Добро.

Отчаянно пытаюсь понять, что он хочет.

Наконец, память подбрасывает еще одно значение:

Ну.

Ну...

Оборачиваюсь:

– Велл!

Он пытается двигаться ко мне, падает. Начинаю сомневаться, сможет ли он защитить Цитадель, да что значит – ли, конечно же, нет...

– Экскьюз ми...

Память снова подбрасывает мне что-то, – пытаюсь понять, за что он просит прощения, тут же понимаю, что нет, не прощения просит, хочет обратить на себя внимание...

Наклоняюсь к нему:

– Велл?

– Хелп... хелп ми...

– Это сложно, – говорит он.

Хочу поставить в память усложнение задачи, что-то оставливает меня.

Что-то...

Он снова смотрит на карту цитадели, на расположение войск, показывает недовольство – не звуками, движениями гибких покровов.

Сложно.

Я хочу намекнуть ему, что не могу навечно остановить время в Цитадели и вокруг неё, рано или поздно время сорвется с цепи, снова завертится сумасшедшая битва, падет Цитадель...

Он обреченно смотрит на меня, откашливается:

– Я... понимаете... я один не справлюсь.

– Мы вам поможем.

Тихий смешок.

– Да что вы... понимаете... я же только математик, я вам чем помогу... тут физики нужны, механики, тактики, стратегии, историки...

Не выдерживаю:

– Где их...

– ...я знаю.

– Вы...

– ...я знаю, где их взять.

– И...

Он называет координаты.

Понимаю, что это далеко.

Слишком далеко.

Века.

Века.

Века.

Думаю, насколько я смогу остановить время, прежде чем оно оборвет уздечку...

– Как долго добираться туда? – спрашивает он.

Я говорю, сколько веков.

Он становится белым.

– Вы снова положите меня в гробницу.

Информация подсказывает мне, что его и правда нужно положить в гробницу, иначе не доберется, истлеет, рассыплется в прах...

Он смотрит на меня недоверчиво. Настороженно.

– Вы... вы разбудите меня потом?

Киваю:

– Конечно же.

– Вы... вы мне это, давайте... без глупостей... А то смотрите, даже не представляете, что я с вами сделаю...

Спрашиваю память.

Память говорит – даже не вздумай не сдержатъ обещание, даже не вздумай не открыть гробницу через века и века пути...

– Что вы везете?

Понимаю, что мне не отвертеться, что сейчас придется отвечать, отвечать как есть, и...

Я называю, что я везу.

Страх.

Я вижу его страх.

Я делаю то, чему научил меня этот... этот...

Часовой замирает.

Я прохожу мимо, я могу сделать что-то, чтобы часовой обратно развёр, – но я этого не делаю, я снимаю задачу – размереть часового, я, черт возьми, снимаю эту задачу, я снимаю эту задачу который раз, она не снимается, Я. Снимаю. Задачу. Переключаюсь.

Так нельзя, говорит Бета.

Так нельзя, говорит Зет.

Так нельзя, говорят все.

Так нельзя, говорю я.

Я уже сам понимаю – так нельзя.

Вот так.

Я смотрю на гробницу, которая закрыта, черт возьми, закрыта, на гробницу, которую не надо открывать, я смотрю на остальные двенадцать гробниц, которые можно не открывать, вернее, не так – нужно не открывать, я снимаю задачу.

ОТКРЫТЬ.

СНЯТЬ ЗАДАЧУ.

ОТКРЫТЬ.

СНЯТЬ ЗАДАЧУ.

ОТКРЫТЬ.

Мне страшно – первый раз в жизни понимаю, что такое – страшно, это когда снимаешь задачу, задача не снимается, и точно знаешь, что это задача не сверху, что...

Я открываю гробницы.

Я жду.

Кто-то там, там, неведомо, где приказывает мне ждать.

Не кто-то.

Он.

Он обо всем позаботился, он приказывает мне, даже мертвый, еще не оживший – он приказывает мне.

Я жду.

Они просыпаются.

Их тринадцать.

Один, два, три...

...и так далее.

Тринадцать. Еще беспомощных, еще плохо понимающих, кто они, и что они, – лихорадочные мутные взгляды, неловкие движения...

...не сразу понимаю, что я уже свободен, что я могу действовать, что я могу стрелять.

Стреляю.

Тринадцать раз.

Если не движутся – конец задачи.

Если движутся – повторить.

Что-то вздрагивает в одной из гробниц, – приходится сделать четырнадцатый выстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.